

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

ТРЕТИЙ ГОД

№ № 1-15

226-е по 240-е заседания

6 января - 4 февраля 1948 года

Нью-Йорк

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Двести двадцать шестое заседание	
1. Предварительная повестка дня	1
2. Доклады Генерального Секретаря о полномочиях представителей Аргентины и Канады в Совете Безопасности	1
3. Приветственное слово Председателя, обращенное к трем новым членам Совета Безопасности	1
4. Утверждение повестки дня	2
5. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире	2
Двести двадцать седьмое заседание	
6. Предварительная повестка дня	4
7. Доклады Генерального Секретаря относительно полномочий представителей Канады, Соединенного Королевства и Украинской Советской Социалистической Республики	4
8. Утверждение повестки дня	5
9. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	5
Двести двадцать восьмое заседание	
10. Предварительная повестка дня	18
11. Утверждение повестки дня	18
12. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	18
Двести двадцать девятое заседание	
13. Предварительная повестка дня	45
14. Утверждение повестки дня	45
15. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	45
16. Каблограмма председателя Комитета добрых услуг по индонезийскому вопросу от 17 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности	64
Двести тридцатое заседание	
17. Предварительная повестка дня	64
18. Утверждение повестки дня	64
19. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)	64
Двести тридцать первое заседание	
20. Предварительная повестка дня	72
21. Утверждение повестки дня	72
22. Обсуждение индо-пакистанского вопроса	82
Двести тридцать второе заседание	
23. Предварительная повестка дня	85
24. Утверждение повестки дня	85
25. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	85

	Стр.
Двести тридцать третье заседание	
26. Официальное сообщение	103
Двести тридцать четвертое заседание	
27. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	105
Двести тридцать пятое заседание	
28. Предварительная повестка дня	116
29. Утверждение повестки дня	116
30. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	116
Двести тридцать шестое заседание	
31. Предварительная повестка дня	136
32. Утверждение повестки дня	136
33. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	136
Двести тридцать седьмое заседание	
34. Предварительная повестка дня	146
35. Утверждение повестки дня	146
36. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	146
Двести тридцать восьмое заседание	
37. Предварительная повестка дня	156
38. Чествование памяти Мохандаса К. Ганди	157
Двести тридцать девятое заседание	
39. Предварительная повестка дня	161
40. Утверждение повестки дня	161
41. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	161
Двести сороковое заседание	
42. Предварительная повестка дня	181
43. Утверждение повестки дня	181
44. Обсуждение индо-пакистанского вопроса (продолжение)	181

ДВЕСТИ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Суббота 17 января 1948 года, 10 ч. 30 м. утра Лейк Сохсес, Нью-Йорк

Председатель: Г-н Ф. ван-ЛАНГЕНХОВЕ (Бельгия)

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики, Франции.

13. Предварительная повестка дня (документ S/Agenda 229)

1. Утверждение повестки дня.
2. Вопрос Джамму и Кашмира:

а) Письмо представителя Индии от 1 января 1948 года Председателю Совета Безопасности относительно ситуации в Джамму и Кашмире (документ S/628)¹;

б) Письмо министра иностранных дел Пакистана от 15 января 1948 года на имя Генерального Секретаря относительно ситуации в Джамму и Кашмире (документ S/646)².

14. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

15. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)

По приглашению Председателя представитель Индии г-н Гопаласвами Айянгар и представитель Пакистана сэр Мохаммед Зафруллахан занимают места за столом Совета.

С этого момента применяется система одно-временных переводов.

Сэр Мохаммед ЗАФРУЛЛА-хан (Пакистан) (*говорит по-английски*): В момент закрытия заседания Совета Безопасности вчера днем я говорил о том, что пакистанское правительство пытается созвать конференцию трех сторон, состоящую из представителей доминиона Индии, княжества Кашмир и самого Пакистана. Я пояснил, что эта конференция не могла состояться 29 октября 1947 года из-за нездоровья премьер-министра Индии. Конференция была отложена на 1 ноября, но и тогда не могла состояться по той же причине.

Однако лорд Маунтбаттен, генерал-губернатор Индии, прибыл в Лахор, для того чтобы председательствовать на Совместном совете обороны, и провел несколько собеседований. Вчера я прочел выдержку из телеграммы премьер-министра Пакистана на имя премьер-министра Соединенного Королевства, поясняющую ситуацию. Я приведу дальнейшие выдержки из этой телеграммы, для того чтобы дать некоторое представление о том, как протекали переговоры между генерал-губернатором Пакистана и генерал-губернатором Индии. Далее в телеграмме говорится:

«Два генерал-губернатора встретились в Лахоре и 1 ноября имели длительное собеседование. В результате этого собеседования генерал-губернатор Пакистана внес генерал-губернатору Индии следующие предложения, подлежащие принятию доминионом Индии:

1. Для того чтобы немедленно положить конец военным действиям, правительства обоих доминионов должны уполномочить своих генерал-губернаторов сейчас же опубликовать прокламацию, согласно которой воюющим сторонам предоставляется срок в сорок восемь часов для прекращения огня. Генерал-губернатору Пакистана не подчиняются ни вооруженные силы временного правительства Кашмира, ни независимые горные племена, участвующие в военных действиях, но он предупредит их в ясных выражениях, что в случае неповиновения приказу о прекращении огня войска обоих доминионов немедленно начнут против них военные действия;

2. Вооруженные силы доминиона Индии и независимые племена должны одновременно и с предельной быстротой покинуть территорию Джамму и Кашмира;

3. С одобрения обоих доминионов обоим генерал-губернаторам должна быть предоставлена полная власть для восстановления мира, принятия на себя управления княжеством Джамму и Кашмир и для организации без промедления и под совместным контролем и наблюдением свободно проведенного плебисцита».

Вот в чем заключалось предложение, внесенное от имени Пакистана. Лорд Маунтбаттена просили немедленно внести эти предложения на рассмотрение доминиона Индии и настоять на их принятии. Генерал-губернатор Пакистана взял на себя обязательство добиться того же. Генерал-губернатор Пакистана все еще ожидает ответа генерал-губернатора Индии.

Далее в телеграмме говорится:

«Вечером 2 ноября 1947 года, через день после возвращения лорда Маунтбаттена в Дели, Пандит Неру объявил по радио то, что он назвал решением индийского правительства, и чрезвычайно досадно, что он нашел уместным сделать это таким способом и употребив такие выражения. Не говоря о его вызывающих нападках на пакистанское правительство, внесенное им предложение может повлечь за собой чрезвычайно серьезные последствия и не принесет Кашмиру мира. Пока вооруженные силы доминиона Индии находятся на территории Кашмира, кашмирский народ будет продолжать борьбу. То, что индийское правительство назвало восстановлением законности и порядка, представляет собой лишь попытку притеснять, убивать, терроризировать и изгонять мусульманское население Джамму и Кашмира, пока, подобно тому как это случилось в Восточном Пенджабе и в индийских княжествах Восточного Пенджаба, состав населения не изменится совершенно.

¹ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, третий год, Дополнение за ноябрь 1948 года, стр. 139-144 англ. текста.

² Там же, стр. 67-87 англ. текста.

Радиосообщение Пандита Неру ясно указывает на то, что индийское правительство намеревается полностью оккупировать Джамму и Кашмир и всецело овладеть этой территорией, прикрываясь привлекательно звучащим лозунгом, что в конечном результате судьба Кашмира будет решаться народом Кашмира. Пандит Неру даже избежал выражения «плебисцит» и говорил о «референдуме», а это можно толковать как угодно. После того как правительство Индии вполне завладеет территорией Джамму и Кашмира, проведение плебисцита или референдума будет просто фарсом.

Тем временем настроение в Западном Пакистане и на территориях, принадлежащих горным племенам, становится все более опасным и скоро с ним нельзя будет справиться. Нельзя ожидать, чтобы после ужасающих избиений в Восточном Пенджабе народ захотел спокойно смотреть на трагедию, разыгрывающуюся в таком же масштабе в Джамму и Кашмире.

Внешний мир очень мало знает о Джамму, но ситуация там чрезвычайно грозная. По имеющимся у нас сведениям ежедневно избиваются тысячи мусульман. Жизни осажденных в самом городе Джамму 90 000 мусульман угрожает опасность. Проблема эта настолько серьезна и опасна, что необходимо ее немедленно разрешить. Все это было изложено генерал-губернатору Индии во время собеседования с генерал-губернатором Пакистана.

Пакистанское правительство уверено в том, что единственным возможным решением вопроса, с помощью которого можно избежать дальнейшего кровопролития и установить мир в Джамму и Кашмире, выяснит путем свободно вынесенного самим населением княжества вердикта, чего оно хочет, и восстановить дружественные взаимоотношения между двумя доминионами. — является решение, предложенное генерал-губернатором Пакистана. Необходимо действовать без промедления. Каждый лишний день делает ситуацию все более и более угрожающей. Я еще раз призываю вас немедленно, не теряя ни минуты, принять необходимые меры, так как иначе непоправимые и губительные последствия потрясут не только этот субконтинент, но и весь мир».

Это было четвертой попыткой уладить вопрос путем переговоров, и каждая из этих попыток была сделана от имени Пакистана. Мы сперва предложили послать представителя для обсуждения вопроса с правительством Кашмира и действительно послали такового, но премьер-министр отказался обсуждать с ним этот вопрос. Премьер-министр Кашмира затем потребовал провести беспристрастное расследование, и мы сразу на это согласились. Мы просили его назначить представителя, но после этого мы больше ничего не слышали по этому поводу. Мы затем предложили премьер-министру Кашмира прибыть в Карачи для обсуждения этого вопроса и изыскания возможности уладить ситуацию дружественным путем. Это предложение не было принято.

Мы затем внесли данное предложение, после того как ситуация значительно ухудшилась из-за односторонних действий доминиона Индии, проведенных без консультации с нами — без какого бы то ни было оповещения нас об этих

действиях, заключавшихся в отправке войск в Кашмир. Наше предложение, если бы оно было принято, могло бы легко остановить дальнейшее кровопролитие в Кашмире. Горные племена, проникающие в страну, должны были бы принять во внимание сделанное им предостережение и прекратить борьбу, или же оба доминиона должны были бы бороться с ними и изгнать их из территории Кашмира и Джамму. Но и это предложение было отклонено, и поэтому никакое решение в этом смысле не представлялось возможным.

Прямого ответа не последовало, но премьер-министр Индии впоследствии пояснил, что он коснулся этого вопроса в своем заявлении по радио. В посланной затем 8 ноября 1947 года телеграмме он все еще придерживался мнения, что правительство Пакистана должно открыто взять на себя обязательство всеми силами стремиться к тому, чтобы заставить налетчиков уйти из Кашмира, а правительство Индии повторит свое заявление о том, что его войска будут уведены с территории Кашмира как только уйдут налетчики и будут восстановлены законность и порядок.

10 ноября 1947 года премьер-министр Пакистана послал еще одну телеграмму премьер-министру Индии, и эта телеграмма была послана из Лахора, а не из Карачи. Лахор и Дели расположены ближе друг к другу, чем Карачи и Дели. Между Лахором и Дели расстояние всего лишь около 300 миль и имеется прямая связь по железной дороге и по воздуху. Между Карачи и Дели расстояние около 650 или 700 миль и, хотя и есть прямая воздушная связь, нет прямой железнодорожной связи. Приходится путешествовать через Лахор. Телеграмма гласит:

«Если бы я был достаточно здоров, чтобы предпринять эту поездку, я прибыл бы в Дели, но к сожалению я все еще лежу в постели. Поэтому я предлагаю Вам прибыть в Лахор, как только Вам представится такая возможность, чтобы обсудить важнейшие вопросы, и надеюсь, что Вы сможете принять это приглашение».

В ответ последовала длинная телеграмма от премьер-министра Индии, сущность которой изложена в двух следующих абзацах:

«Шейх Мохаммад Абдулла стоит в настоящий момент во главе управления Кашмиром, и все, что касается Кашмира, должно делаться с его одобрения и согласия».

Позвольте спросить вас, так ли надо улаживать тот или иной вопрос? Шейх Мохаммад Абдулла является председателем национальной конференции Кашмира, одной из двух спорящих политических партий, и его точка зрения в отношении присоединения расходится с точкой зрения другой стороны. Шейх Абдулла был назначен главой кашмирской администрации магараджей несомненно по совету премьер-министра Индии. Когда вносится предложение о том, чтобы два премьер-министра встретились и разрешили эту проблему, то премьер-министр говорит, что во главе кашмирского правительства стоит в настоящий момент шейх Мохаммад Абдулла, то есть лицо, назначенное им же для этой цели, и что все относящееся к Кашмиру должно обязательно делаться с его согласия и одобрения.

Таким образом предпринимается весь вопрос проведения плебисцита.

В телеграмме премьер-министра Индии далее говорится: «Я буду рад встретиться с Вами, для того чтобы обсудить эти другие вопросы, но я должен буду в течение нескольких следующих дней присутствовать на чрезвычайно важном заседании рабочего комитета Конгресса и комитета Всеиндийского конгресса. Непосредственно вслед за этим последует учредительное собрание. Я надеюсь, что наша встреча окажется полезной, но она может принести благоприятные результаты, только если все налетчики будут принуждены уйти из Кашмира и пакистанское правительство объявит о своем твердом решении заставить их удалиться».

Я снова обращаюсь к Совету Безопасности. Два вопроса, являющиеся предметом спора между этими правительствами, заключались в том, как поступить в этой ситуации, включая набеги горных племен в Кашмир, и как наладить свободный плебисцит, который дал бы возможность народу Кашмира свободно вынести решение по вопросу о присоединении. Премьер-министр Пакистана делает эту пятую попытку добиться какого-то урегулирования спора и приглашает премьер-министра Индии в Лахор, для того чтобы вместе найти решение.

Премьер-министр Индии ставит два условия: первое, — для того чтобы решить, что надо сделать, чтобы избавиться в Кашмире от так называемых налетчиков, — «надо, чтобы сначала вы порвали связь с ними, а затем уже поговорим о том, как избавиться от них».

Второе, — для того чтобы решить, как провести в Кашмире свободный плебисцит и с помощью его установить и определить, преобладает ли точка зрения шейха Мохаммада Абдуллы, т. е. точка зрения национальной конференции, или мусульманская конференция имеет больше сторонников, — «вы должны прежде всего признать, что шейх Мохаммад Абдулла является главой правительства, без чьего согласия и одобрения нельзя ничего предпринять».

Вот в чем в сущности заключался ответ. Эти два вопроса должны быть разрешены, но сначала они должны быть разрешены в пользу точки зрения доминиона Индии до проведения какого бы то ни было обсуждения о том, как в связи с ними надлежит поступить.

После этого, 16 ноября премьер-министр Пакистана послал телеграмму премьер-министру Индии, заявив, что он выпускает коммюнике для печати, и препроводил ему текст этого коммюнике, из которого я прочту одну или две выдержки. Премьер-министр Пакистана заявил в коммюнике: «Мы неоднократно пытались убедить кашмирское правительство обсудить с нами эти вопросы, но они решили присоединиться к Индийскому Союзу против воли народа Кашмира с помощью государственного переворота. Индийское правительство — в прямое и ясное нарушение принципов, на основании которых оно оспаривало присоединение Джунагада к Пакистану, не снесясь с доминионом Пакистана и не консультируясь с ним, хотя безопасность Пакистана несомненно угрожают со-

бытия в Кашмире, — заняло Кашмир с помощью своих вооруженных сил и с первого дня проникновения в Кашмир принялось подавлять там мусульман. На самую территорию Пакистана ворвались индийские войска; на нашу территорию вблизи моста Кохала были брошены бомбы, а наш полицейский пост в Гари Хабибула, в округе Хазара, был обстрелян пулеметным огнем индийских воздушных сил».

Затем, подробно описав уже принятые Пакистаном меры для достижения дружелюбного разрешения этих вопросов, премьер-министр Пакистана продолжал: «Нет ни малейшего сомнения, что весь заговор о присоединении Кашмира к Индии был обдуман заранее. Его нельзя оправдать ни с конституционной, ни с моральной точки зрения. Теперь совершенно ясно, что индийское правительство стремится к окончательному занятию Кашмира. Оно может добиться этого, только ликвидировав мусульманское население Джамму и Кашмира, которое теперь страдает от самых свирепых военных репрессий и борется за свою свободу и даже за самое свое существование, имея против себя превосходные силы. Все поведение индийского правительства основывается на «праве сильного» и на уверенности в том, что Пакистан не в состоянии бороться с ним. Если индийскому правительству позволить следовать его империалистической политике захвата земли, то последствия этого будут ощущаться не только в Азии, но и во всем мире».

Далее в телеграмме говорится: «Основные принципы Устава Объединенных Наций заключаются в том, чтобы не допустить торжества силы над правом. Поэтому весь спор должен быть вынесен на суд международного общественного мнения. Мы готовы просить Организацию Объединенных Наций немедленно назначить представителя в княжество Джамму и Кашмир, для того чтобы прекратить борьбу и гонения на мусульман в этом княжестве, для того чтобы выработать программу вывода чужих войск для установления беспристрастной национальной администрации до проведения плебисцита и чтобы по его указаниям и под его контролем провести плебисцит в целях установления свободно, без давления, выраженного мнения населения страны по вопросу о присоединении. Мы готовы принять аналогичный способ разрешения спора в отношении Манавадара и Джунагада».

В своей телеграмме премьер-министру Индии от 19 ноября премьер-министр Пакистана говорит:

«Я вижу, что Вы не склонны обсуждать вопрос, пока те, кого Вы называете налетчиками, не будут изгнаны из Кашмира, а также, что все, что касается Кашмира, должно делаться с одобрения и согласия шейха Мохаммада Абдуллы. Это едва ли можно назвать конструктивным подходом к кашмирской проблеме».

Ввиду занятой Вами позиции я не вижу иного пути для мирного улажения спора, кроме передачи вопроса Организации Объединенных Наций. Я послал Вам копию выпущенного мною 16 ноября коммюнике для прессы, в котором я внес это предложение. Я надеюсь, что Вы согласитесь с тем, что при данных обстоятельствах это пред-

ставляется единственным справедливым и мирным разрешением вопроса».

Это было шестое предложение Пакистана.

В ответ на него премьер-министр Индии в своей телеграмме от 21 ноября заявил следующее:

«Конкретные предложения относительно передачи вопроса Организации Объединенных Наций, перечисленные в Вашем коммюнике, следующие:

1. Организация Объединенных Наций должна немедленно назначить представителей в Джамму и Кашмир, для того чтобы остановить борьбу и гонения на мусульман в этой стране.

Так как Организация Объединенных Наций не располагает военными силами, мы не видим, как она может остановить борьбу или, так называемые, гонения на мусульман. Это может быть сделано только организованными вооруженными силами и выполняется нашими войсками. Борьба, разумеется, прекратится как только налетчиков заставят уйти с территории, и я неоднократно просил Вас помочь нам прекратить транзит и доставку налетчикам припасов через территорию Пакистана.

2. Установление беспристрастного управления этим княжеством.

Мне неясно, что может сделать Организация Объединенных Наций при существующей в Кашмире обстановке, пока там не будут восстановлены мир и порядок. Мы убеждены в том, что администрация шейха Абдуллы основана на воле народа и является совершенно беспристрастной. Только тот, кто побывает в Кашмире и лично убедится в том, как обстоит дело, может это понять. Кроме того, мы обещали, что до тех пор пока наши войска находятся в Кашмире их первым и священным долгом будет защита всех слоев населения. Эта обязанность будет выполняться беспристрастно и бесстрашно.

3. Проведение плебисцита по указаниям и под контролем представителя Организации в целях установления свободно и без давления выраженного мнения населения страны по вопросу о присоединении.

Я неоднократно заявлял, что как только налетчики будут изгнаны из Кашмира или уйдут сами и в Кашмире будет восстановлен мир и порядок, то само население должно решить вопрос о присоединении путем плебисцита или референдума, проведенного под таким международным руководством, как руководство Организации Объединенных Наций. Совершенно ясно, что нельзя обратиться к народу с таким предложением, когда массы налетчиков разрушают страну и когда против них ведутся военные действия. Я остаюсь на этой позиции».

В последнем абзаце своей телеграммы премьер-министр Индии заявил: «Я не имел в виду создать впечатление, что пакистанская армия официально принимала участие в набегах. Однако у нас есть неопровержимые доказательства того, что чины пакистанской армии, будь то бойцы в отпуску или дезертиры, действовали вместе с налетчиками, и что военное снаряжение последних могло быть получено только от пакистанской армии».

По причинам, указанным в этих только что прочитанных мною отрывках, — хороши они или нет, — это предложение не было немедленно рассмотрено. Однако 22 декабря премьер-министр Пакистана получил письмо, в котором содержалось предложение передать этот вопрос Совету Безопасности в той форме, в которой он и был фактически передан.

Еще до того премьер-министр Пакистана 24 ноября направил премьер-министру Соединенного Королевства телеграмму, в которой говорилось:

«Часто повторявшееся обещание индийского правительства и Пандита Неру, что они готовы провести в Кашмире плебисцит, имеет целью обмануть международное общественное мнение. Никто не отрицает, что плебисцит должен быть проведен по возможности скорее, для того чтобы с помощью его выяснить, чего желает население Кашмира. Спор не об этом; это аксиома. Вопрос заключается в том, как это сделать.

Вы говорите, что этот вопрос стал слишком запутанным. Он был умышленно запутан индийским правительством. Если индийское правительство искренно и честно желает справедливого и мирного улажения кашмирского вопроса, оно должно немедленно согласиться на то, чтобы военные действия были прекращены, а не отговариваться тем, что сперва надо избавиться от налетчиков. Не так называемые налетчики, но сам кашмирский народ пытается в неравной борьбе сбросить тиранию Догра и не допустить того, чтобы Кашмир попал в руки доминиона Индия.

Азад-кашмирские войска почти полностью состоят из уроженцев этой страны, и даже иностранные наблюдатели отметили, что, куда бы они не пошли, их встречали как освободителей. Мы готовы употребить все свое влияние на азад-кашмирские войска, для того чтобы прекратить борьбу и позаботиться о том, чтобы вторгшиеся туда горцы не только прекратили борьбу но были изгнаны из Кашмира. Следует помнить, что эти горцы друзья и родственники тех, за которых они борются».

Далее в телеграмме говорится: «То обстоятельство, что правительство Индии настаивает на оставлении своих войск в Кашмире впредь до тех пор, пока оно само не решит, что войска восстановили законность и порядок, может означать лишь то, что индийские войска останутся в государстве до тех пор, пока они не сокрушат все силы, противящиеся окончательной оккупации ими Кашмира. Методы, путем которых законность и порядок используются, для того чтобы установить иностранное владычество, хорошо известны. Мусульманское население Кашмира в полной мере ощутило применение этих методов. Гонениям подвергались главным образом подлинные лидеры мусульман и те, кто отдает себе отчет в политических вопросах, а также их семьи».

Почти все лидеры Мусульманской конференции находятся в тюрьме и все, кто высказался по вопросу о присоединении к Пакистану, арестованы. Мне сообщали, хотя я и не мог проверить эти сведения, что некоторые части города Сринагара, в котором было много привержен-

цев присоединения к Пакистану, были на некоторое время лишены обычного муниципального обслуживания.

Далее в телеграмме премьер-министра Пакистана говорится: «Несмотря на уверения индийского правительства, число мусульманских беженцев в Пакистане увеличивается со дня на день и теперь превышает 200 000. Все эти беженцы рассказывают об ужасных нечеловеческих жестокостях. Я повторяю, что индийское правительство стремится к постоянной оккупации Кашмира и знает, что оно не сможет добиться этого до тех пор, пока не изменится состав населения и пока мусульманское большинство не обратится в меньшинство. За его красноречивыми фразами скрывается эта страшная реальность, уничтожение и деморализация целого населения насильственным путем, и любое предложение, в котором не учитывается этот основной факт, не представляется подлинным решением.

Сделанный выше анализ показывает прежде всего, что борьба должна прекратиться и что все вторгшиеся отряды должны быть уведены и, во-вторых, что не менее важно, чтобы кашмирская администрация была немедленно передана в руки беспристрастных и независимых властей. До тех пор, пока эти условия не будут выполнены, нет никакой надежды на проведение свободного плебисцита, которое, по нашему мнению, нет надобности откладывать до весны.

Я надеюсь, что вы поймете, в чем заключается фактическое положение. Если вы примете во внимание эти основные факты, я полагаю, что вы поддержите наше предложение о том, чтобы Организация Объединенных Наций немедленно послала комиссию для выполнения задач, изложенных в вышеприведенном пункте 5. Эта комиссия должна располагать международным полицейским отрядом для поддержания законности и порядка. Состав такого полицейского отряда может быть оставлен на усмотрение комиссии Организации Объединенных Наций. Мы со своей стороны готовы согласиться на то, чтобы этот отряд был составлен исключительно из представителей Коммонвелта».

12 декабря премьер-министр Индии послал премьер-министру Пакистана следующую телеграмму:

«В связи с нашей беседой в Лахоре мы вновь обдумали вопрос о том, чтобы предложить Объединенным Нациям дать нам совет по этому вопросу. Хотя мы готовы предложить наблюдателям Объединенных Наций прибыть сюда и давать нам советы в связи с проведением предполагаемого плебисцита, нам неясно, как еще может помочь нам Организация Объединенных Наций.

Согласно вашей же декларации, вы не участвуете в борьбе, происходящей в настоящее время в Кашмире. Мы не можем вести переговоры с иррегулярными захватчиками как с государством. Никакое правительство не может расправляться с набегами, несущими Кашмиру смерть и разрушение, иначе как при помощи военных действий. Мы обязаны перед народом Кашмира восстановить мирную и нормальную жизнь и мы обещаем это. Мы будем рады принять участие в любой попытке восстановить мир путем соответствующего соглашения».

Здесь возникает любопытный вопрос. Мы говорим: «Давайте передадим этот вопрос Организации Объединенных Наций». Ответ на это: «Вы не являетесь стороной в споре». Кто же тогда должен предстать перед Организацией Объединенных Наций и кто является стороной в этом вопросе? Индия заявляет нам: «Вы не являетесь стороной в споре, а налетчики не представляют собой государства. Мы не можем вести с ними переговоры. Поэтому, о чем, помимо отправки наблюдателей, можно просить Организацию Объединенных Наций?». Между тем все время жалуются на то, что Пакистан не сотрудничает, говорится, что от него надо требовать выполнить что-то, когда сам Пакистан предлагает обратиться к Организации Объединенных Наций, чтобы найти возможность уладить спор, организовать плебисцит, сформировать беспристрастную администрацию и т. д. Все это так, но есть еще одно затруднение: «Вы не являетесь стороной в споре».

Прежде чем перейти к ответу, посланному премьер-министром Пакистана премьер-министру Индии в телеграмме от 16 декабря, я хочу прочесть еще несколько выдержек из той телеграммы, которую я цитировал, телеграммы, посланной премьер-министром Индии. В ней далее говорится:

«Я уверен, что Вы согласитесь с логичностью и разумностью нашей позиции и с тем, что мы искренне желаем найти приемлемое для всех решение вопроса. Я надеюсь встретиться с Вами, когда Вы прибудете 22 декабря в Дели на следующее заседание Совместного совета обороны, и обсудить тогда этот вопрос с Вами.

Однако признаюсь, что я не в состоянии предложить что-либо, кроме того, что я уже предложил: а именно, просить Организацию Объединенных Наций послать беспристрастных наблюдателей, для того чтобы дать нам советы в связи с проведением плебисцита».

В своем ответе от 16 декабря пакистанский премьер-министр заявил следующее:

«Как Вам известно, я всеми силами стремлюсь к тому, чтобы уладить все спорные вопросы между Индией и Пакистаном. К этому же стремятся мои коллеги, и я согласен с Вами, что главный нерешенный вопрос между двумя доминионами касается Кашмира и, как я указал ранее, Джунагада.

Во время обсуждений в Дели и Лахоре я пояснил Вам, сколь важное место занимает Кашмир в отношении к Пакистану. Безопасность Пакистана связана с безопасностью Кашмира, а религиозные узы, родственность культуры и экономическая взаимозависимость связывают эти две страны еще более тесно. Безопасность и благополучие населения Кашмира чрезвычайно важны для населения Пакистана. Поэтому мы жизненно заинтересованы в том, чтобы наладить мирную и достойную жизнь для населения Кашмира, свободную от внутреннего или внешнего давления, так, чтобы население могло само решить вопрос о том, к какому из доминионов оно желает присоединиться. Поэтому решающим фактором при том или ином образе действий должно быть создание условий, в которых можно провести действительно свободный плебисцит.

По моему мнению, проблема может быть разрешена только путем проявления государственной мудрости, с учетом фактической ситуации, а не путем юридических диспутов относительно того, каким образом Пакистан является стороной в споре и что может сделать в этом случае Организация Объединенных Наций.

Я надеюсь, что, когда мы встретимся 22 декабря, мы сможем в таком духе обсудить этот вопрос».

Как я уже сказал, 12 декабря премьер-министр Индии послал сообщение премьер-министру Пакистана. В этом сообщении говорилось, что правительство Пакистана поступило так, как изложено в пунктах *a*, *b*, *c*, *d* и *e*, и что этот вопрос должен быть передан Организации Объединенных Наций и Совету Безопасности. Так оканчивается история попыток дружелюбно уладить этот вопрос. Каждая из этих попыток была сделана Пакистаном. Однако сегодня Индия придерживается того мнения, что Пакистан отказался сотрудничать для того, чтобы найти какое-то решение. Вот по крайней мере семь попыток, которые были сделаны, и каждая из них была Индией отклонена.

Я хочу теперь коснуться конкретных обвинений, содержащихся в заявлении, сделанном позавчера от имени Индии [227-е заседание] в связи с так называемым участием Пакистана в создавшейся в Кашмире ситуации. Представитель Индии начинает заявлением, что Индия не знала ничего о том, что происходит в Кашмире до кануна дня присоединения Кашмира к Индии. Представитель Индии сказал: «Индия вмешалась в происходящие в Кашмире события только накануне подписания акта о присоединении. С тех пор — т. е. с 22 октября — нам стало известно о давлении, которое Пакистан оказывал на Кашмир, чтобы добиться его присоединения».

Представитель Индии затем привел примеры того, что он считает давлением на Кашмир с целью присоединения его к Пакистану, и пытается при этом доказать, что Индии совершенно ничего не было известно о событиях в Кашмире. Индия узнала о том, что происходит, только накануне присоединения.

Однако я попрошу членов Совета ознакомиться со стенографическим отчетом заявления индийского представителя. Он сказал:

«Индия, разумеется, жизненно заинтересована в решении, которое это государство может вынести в отношении присоединения». Будучи жизненно в этом заинтересованной, Индия предлагает Совету верить, что, хотя она заинтересована в этом решении, она не интересовалась тем, что там происходило. Далее говорится: «Вследствие своего географического положения. Кашмир, граничащий с такими странами, как Союз Советских Социалистических Республик и Китай, имеет жизненное значение для безопасности и международных отношений Индии. С экономической точки зрения Кашмир также тесно связан с Индией. Торговые пути, по которым караваны следуют из Центральной Азии в Индию, проходят через княжество Кашмир».

Можно ли верить, что правительство Индии не знало, что происходит или что предвидится в

связи с присоединением, и не пыталось повлиять на развитие этих событий? Мне до некоторой степени известны методы, — убедительные, проникновенные и любезные уговоры, — с помощью которых доминион Индия пытался склонить княжество на присоединение к Индии.

Я уверен, что представитель Индии простит мне, что в результате этих сведений и моего опыта я отказываюсь верить, что правительство Индии не интересовалось кашмирскими событиями и не знало о том, что там происходило. «Тем не менее», продолжал представитель Индии, «мы никогда не оказывали ни малейшего влияния на это княжество, чтобы оно присоединилось к Индийскому доминиону, ибо мы понимаем, что Кашмир находится в чрезвычайно затруднительном положении». И действительно, правительство Индии было столь обеспокоено этими вопросами, что в случае Джунагада, который юридически, согласно своей конституции и законным образом, присоединен к Пакистану, оно самым тщательным образом выполняло свои обязательства в связи с присоединением. Мы коснемся этого вопроса, когда Совет Безопасности приступит к рассмотрению второй части своей повестки дня.

«В то время как велись переговоры о соглашении с Индией о поддержании статус кво», — продолжал представитель Индии, — «мы узнали, что пакистанские власти оказывают на Кашмир давление, пытаясь принудить его присоединиться к Пакистану».

Через несколько абзацев после этого заявления мы читаем следующее: «Позднее мы узнали о давлении, которое Пакистан оказывал на Кашмир, чтобы добиться его присоединения». Я не согласен с тем, что было оказано какое-либо давление. Я не могу этого объяснить, но индийское правительство утверждает, что, в то время когда велись переговоры о выработке соглашения о статус кво, «мы узнали о том, что пакистанские власти оказывают на Кашмир давление, чтобы заставить его присоединиться к Пакистану. Сначала мы не обращали особого внимания на получаемые донесения. В то время все силы правительства Индии были направлены на выполнение гигантской задачи массового перемещения населения. Однако донесения об оказании давления стали поступать все чаще. Около сентября положение сделалось действительно серьезным». Тем не менее, сведения обо всем, что содержалось в этих поступающих изо дня в день донесениях, стали известны Индии после присоединения.

Что касается педантичности, с которой обе стороны соблюдали положения соглашения о статус кво, то я в данный момент могу лишь привести один пример, касающийся Кашмира. Я не хочу усложнять вопроса, затрагивая Джунагад.

Я вчера объяснил Совету Безопасности, что означает соглашение о статус кво. Кашмир заключил такое соглашение с Пакистаном в отношении своих средств связи, снабжения и почтово-телеграфного обслуживания. Это соглашение вступило в силу 15 августа. Согласно этому соглашению почтово-телеграфное обслуживание в Кашмире находилось в ведении пакистанского правительства. Однако 9 сентября 1947 г., до возникновения каких бы то ни было беспорядков или спора,

начальник почты в Амбала в Восточном Пенджабе — т. е. в доминионе Индии — назначил Риха Реджена, чиновника Индийского доминиона, начальником кашмирского почтового ведомства. Этот факт кажется невероятным, но он действительно имел место.

15 августа 1947 года произошел раздел между двумя доминионами. Доминионы, независимо от Кашмира, постановили передать Пакистану всю кашмирскую почтовую администрацию. Такого соглашения, заключенного между двумя доминионами. Имеется соглашение между доминионом Пакистана и княжеством Кашмира, согласно которому кашмирское почтово-телеграфное обслуживание переходит в ведение Пакистана. Однако 9 сентября 1947 года их почтовые власти сознательно назначили одного из своих чиновников начальником кашмирского почтового ведомства, причем правительство Индии даже не предупредило об этом правительство Пакистана. Это неожиданное нарушение соглашения о статус кво не было объяснено. Директор почты Западного Пенджаба сообщил об этом пакистанскому правительству телеграммой от 17 сентября 1947 г. Правительству Индии был направлен телеграммой протест, адресованный: «Министерство иностранных дел Дели». На эту телеграмму не было получено ответа. Однако индийское правительство заявляет, что оно не интересовалось этими делами и никак в них не вмешивалось. Как же назвать это, как не попыткой нарушить соглашение о статус кво, заключенное между Кашмиром и Пакистаном?

Затем, директор почты и телеграфа в Дели при своем меморандуме от 1 сентября 1947 года отправил в главный почтамт в Лондоне на имя главы почтового ведомства перечень почты, которая должна отправляться в доминион Индии и в различные города доминиона. В этом меморандуме перечислены почтовые конторы в княжестве Джамму и Кашмир, как будто это княжество составляет часть доминиона Индии. В заявлении указывалось, что вся почта для княжества Кашмир должна направляться в доминион Индии. При мне имеются копии этих документов. Один из них обозначен: «Департамент почты-телеграфа Индии, № D, 65-46/46, Канцелярия главного директора почты и телеграфа в Дели, 25 сентября 1947 года. Директору почтового обслуживания: GPO, Лондон E.C.1». Вслед за объяснением всего, что надо сделать и какие инструкции дать персоналу, следуют указания относительно того, как упаковывать почту и где получать корреспонденцию. Это касалось писем и посылок для Ассана, Западной Бенгалии и Кашмира и относилось к отправлениям по воздушной почте для Дели, Кашмирского княжества и прочих мест.

Еще одна директива главного директора почты и телеграфа в Дели, направленная всем иностранным почтовым ведомствам под № D 98-2/47 от 27 сентября 1947 года, касается «подготовки воздушной почты для доминионов Индии и Пакистана». Эта директива подписана самим директором. В ней означены некоторые места в Восточном Пенджабе и Кашмире.

Индийское правительство уже 27 сентября включило Кашмир в свой доминион за четыре не-

дели до того, как, по их словам, магараджа принял первые шаги для присоединения Кашмира к доминиону Индии.

Дела доказывают гораздо больше, чем простые провозглашения добронамеренности и доброжелательного отношения. Когда Пакистан запротестовал, то на это никто не обратил никакого внимания. Тем не менее, правительство Индии не знало о том, что происходит; ему было совершенно безразлично, в какое затруднительное положение попал Кашмир.

Затем Индия объявила следующее: «До 24 декабря мы даже не думали о присоединении или о военных действиях». Шейх Мохаммад Абдулла, осужденный и приговоренный судом — я убежден в несправедливости этого приговора — по обвинению в измене и уже проведенный в тюрьме приблизительно восемнадцать месяцев, был внезапно выпущен и — я радуюсь этому — отбыл в Дели. Зачем? Что он там делал? Я не хочу сказать, что он делал что-либо противозаконное, но я полагаю, что он вел переговоры об условиях присоединения к правительству Индии от имени Его Высочества магараджи Кашмира, в измене которому — по словам магараджи Кашмира, а не по моим словам — его обвинили, продержав восемнадцать месяцев в тюрьме. Он был в тюрьме до 22 октября — дня первого вторжения в Кашмир из Северо-западной пограничной провинции. Тем не менее утверждается, что Пакистан оказывал давление на Кашмир, пытаясь заставить его присоединиться к Пакистану. Говорилось о том, что это давление проявлялось в приостановке снабжения, которое должно было бы производиться нормально согласно соглашению о статус кво.

Я уже пояснил вчера, каково в это время было положение в Восточном Пенджабе и Западном Пенджабе. Между двумя территориями не было почти никакого сообщения. Никто не мог передвигаться. Происходило очень много убийств. Передвигались только беженцы, но если их не сопровождал конвой, подчас и они подвергались резне. Поэтому не только Кашмир страдал от недостатка снабжения; этому лишению подвергся и Западный Пенджаб. Если при создавшихся условиях и были затруднения в притоке снабжения, то причиной их не было оказываемое в Кашмире давление, а господствовавшее тогда положение. Это было разъяснено в телеграмме генерал-губернатора Пакистана от 20 октября на имя Его Высочества магараджи Кашмира.

Кроме того, железные дороги Западного Пакистана испытывали значительные затруднения в деле поддержания обслуживания из-за недостатка угля — даже внутри государства, где вопрос беженцев, убийств и резни не был столь острым. Уголь поступал из доминиона Индии. Доминиону Индии было трудно снабжать углем Пакистан, а Пакистану поэтому было трудно поддерживать железнодорожное обслуживание и другие виды связи.

Имелся также и третий фактор. Войска племени Догра убивали мусульман внутри Кашмирского княжества и шоферы грузовиков — мусульмане, которые должны были обычно доставлять продукты из Равальпинди в Кашмир, отказывались это делать, — даже когда дело шло

о перевозке таких продуктов, которые уже имелись в Западном Пенджабе, — если им не предоставлялась военная охрана. Кашмирским властям не раз объясняли, что правительство Западного Пенджаба нуждается в военной охране для других более важных целей и не может предоставить ее для грузовых машин. Этим, наравне с другими причинами, объяснялось прекращение снабжения, а не каким-либо давлением, оказываемым на кашмирское правительство с целью заставить его принять то или другое решение.

Следующее обвинение, выдвинутое индийским представителем, заключалось в том, что затруднения, испытываемые кашмирским правительством и о которых было сообщено генерал-губернатору Пакистана в телеграмме премьер-министра Кашмира от 18 октября, остались без внимания и не рассматривались генерал-губернатором.

Этот вопрос разбирается в той части произнесенной представителем Индии речи, в которой была приведена телеграмма кашмирского премьер-министра. Первая фраза, следующая за цитированной им телеграммой, гласит: «Генерал-губернатор Пакистана в ответе от 20 октября 1947 года не сделал попытки ответить на конкретные обвинения». Я уже прочел телеграмму генерал-губернатора Пакистана магарадже Кашмира. Я снова обращаю внимание на эту часть телеграммы и предоставляю Совету Безопасности решить, была ли или нет в этой телеграмме сделана попытка дать ответ по поводу конкретных обвинений.

Я приведу выдержку из телеграммы генерал-губернатора Пакистана от 20 октября 1947 года Его Высочеству магарадже Джамму и Кашмира. Пункт 3-й гласит: «Содержащееся в телеграмме, на которую мы настоящим отвечаем, обвинение в том, что соглашение о статус кво не соблюдалось, совершенно необосновано. Затруднения, которые испытывала Ваша администрация, были следствием повсеместных беспорядков в Восточном Пенджабе и прекращения сообщения главным образом из-за недостатка угля. Эти затруднения остро ощущались и правительством Западного Пенджаба. Затруднения в отношении функционирования банков явились следствием недостатка персонала в различных банках и в них нельзя обвинять правительство Западного Пенджаба, пытавшееся всеми силами обеспечить охрану банков. В том, что от лахорского казначей не поступало денежных переводов, пакистанское правительство не виновато, так как лахорский казначей является должностным лицом Резервного банка Индии. Жалобы Вашего правительства на коммюнике прессы и телеграммы частных лиц также не обоснованы. Ваше правительство не понимает того, что в Западном Пенджабе нет цензуры. Жалоба на местные власти и на власти провинции таким образом совершенно необоснована».

Вот в чем заключались конкретные обвинения; вот каковы ответы. Возможно, что, разбирая этот вопрос в настоящий момент, можно сказать как от имени Кашмира, так и от имени доминиона Индии, что они не удовлетворены такими ответами или что они не желают принять их во внимание. Но разумеется, в ответственном документе, который почти равносильно обвинению госу-

дарства в невыполнении лежащих на нем обязательств, неуместно заявлять, что генерал-губернатор Пакистана в своем ответе от 20 октября 1947 года «не потрудился ответить на конкретные обвинения» — а это ведь только один приведенный мною из этой весьма длинной телеграммы пункт.

В ней содержится ответ на каждое конкретное обвинение. Но ясно, какое впечатление имелось в виду создать. Эта длинная телеграмма премьер-министра Кашмира перечисляет с полным пренебрежением — против этого я не возражаю — детали своих претензий, и одна фраза о том, что не было попыток ответить на конкретные обвинения, — делает ответ ненужным. В то же время ни в одной телеграмме и ни в одном ответе — несколько из них я цитировал вчера в Совете Безопасности — кашмирское правительство, несмотря на наши повторные просьбы, не делало попытки ответить на наши обвинения в связи с избиением войсками Догра мусульманского населения в Кашмире, и многочисленными набегами, (по крайней мере сотней) о которых здесь у меня имеются подробные сведения, с территории Кашмира на территорию Западного Пенджаба, и в связи с другими аналогичными вопросами, на которые неоднократно обращалось внимание кашмирского правительства.

К несчастью в привычку правительства Индии вошло просто отрицать все то, на что ему неудобно отвечать или с чем ему не хочется считаться. Вчера я привел известный мне лично пример, касающийся моего дома. Я не протестовал. Сообщение пришло; я прочел его; я был огорчен. Я знаю, что такие случаи происходят повсюду. Не время оплакивать потерю собственного дома, когда столько людей несут гораздо большие потери. Но, как я сказал, некоторые мои друзья из самой индийской делегации пришли ко мне выразить свое соболезнование. Я высказал ту же точку зрения индийской делегации, но вероятно глава индийской делегации послала телеграмму своему брату, премьер-министру, и получила потрясающий ответ, что правительство сделало расследование и выяснило, что в Кашмире ничего не произошло. Такой ответ доказывает, как мало можно верить заявлениям или опровержениям такого правительства.

Дальнейшие обвинения были предъявлены по поводу определенных набегов на самый Кашмир, и утверждалось, что, судя по имеющимся в распоряжении индийского правительства сведениям, пакистанское правительство виновно в этих набеггах. Например, в индийском заявлении говорится: «На захваченных повозках имеются пакистанские номера». То есть, на повозках, захваченных в Кашмире, имеются пакистанские номера. Но из чего можно заключить, что эти повозки были в Кашмире нелегально или не были отправлены туда из Пакистана законным образом, а затем захвачены. Нет никаких доказательств тому, что само пакистанское правительство пользовалось этими частными перевозочными средствами. Находящиеся на них номера просто означают, что они были зарегистрированы в Пакистане, а не то, что правительство Пакистана пользовалось этими перевозочными средствами для каких-либо темных целей. Но разумеется,

велика разница между тем, чтобы обнаружить одну или несколько повозок с пакистанскими номерами в Кашмире, где их всегда много, и тем, чтобы утверждать, что пакистанское правительство пользовалось ими для каких-то направленных против правительства Кашмира темных целей.

Затем представитель Индии сказал, что кто-то заметил, что на пакистанских заправочных станциях грузовикам, перевозящим налетчиков, бензин дается без карточек и бесплатно. Под выражением на «пакистанских станциях» подразумеваются, разумеется, заправочные станции на пакистанской территории. Такие станции не содержатся ни пакистанским, ни индийским, ни каким бы то ни было другим правительством. Распределение бензина в Индии — и я пользуюсь этим наименованием в широком смысле, как им пользовались до 15 августа 1947 года — ведают сами нефтяные компании, которые имеют для этой цели свою организацию. Правительственной организации для распределения бензина нет. Вот первый пункт.

Когда говорят «без карточек», то это само по себе означает, что правительство не уполномочивало выдавать бензин. Если бы правительство разрешило выдачу, то оно выпустило бы для этого надлежащие карточки. Когда говорят, что бензин выдается без карточек, то это означает или что компании или управляющие заправочными станциями поступают противозаконно, спекулируя на черном рынке, или если действительно бензин выдается бесплатно, то они поступают так, симпатизируя налетчикам. Даже если приписать этому обвинению самый плохой смысл, а нам притом неизвестно, обосновано оно или нет, то эти станции поступали незаконно для того, чтобы помочь развивающемуся в Кашмире движению. Каким образом правительство замешано, когда вопрос касается выдачи бензина без карточек? Если бы было сказано, что тот или иной правительственный департамент выдает грузовикам карточки на бензин, то можно было бы в некоторой мере возложить на него вину.

Вчера во время моего выступления я цитировал сообщения иностранных корреспондентов, в которых указывалось, что в Восточном Пенджабе и в самом Дели имеется много виллисов (джипов) и других перевозочных средств с бензиновыми моторами, которые перевозят сикхских убийц с одного места на другое. Иностранные корреспонденты задавались вопросом, кто доставляет бензин, кто доставляет оружие. Я не говорю теперь о княжествах Патиала, Капуртала или Набха, в отношении которых можно сказать, что в таких операциях замешаны власти. Я говорю о Восточном Пенджабе и о самом Дели, столице Индии. Кто поставлял бензин? Если бензин выдавался по карточкам, то, вероятно, выдавало его правительство. Если бензин выдавался без карточек, то ясно, что на глазах правительства Индии в самой столице Индии можно получать бензин таким образом, не говоря уже о далеко отстоящих местах вблизи границы, где, разумеется, нет такого надзора и наблюдения за тем, что там происходит, как в столице доминиона Индии. Столько говорится о том, что бензин выдавался без карточек, что я предполагаю, что

в Дели он всегда выдается по карточкам и этим предоставляется населению возможность продолжать убивать мусульман. Такие карточки вероятно выдавались самим правительством Индии.

Затем говорится о том, что население имеет оружие различного типа и что это оружие могло быть получено только от пакистанского правительства. Прежде всего, каждый, кому известно положение на северо-западной границе Индии, разумеется, знает, что проживающие там независимые племена всегда накапливали большие запасы оружия всех типов всеми способами, как законными, так и незаконными. Пушки, ружья и т. д. фактически производятся на месте. Горные племена всегда имеют это и другое оружие, приобретенное путем набегов, купленное нелегальным путем или украденное. По всей пограничной полосе ходит поговорка, что никакой молодой горец не может получить невесту, не добив сначала первоклассного ружья и не доказав, что он искусный стрелок. Что касается пакистанского правительства, то само правительство Индии может сказать, какое количество военных запасов оно по договору передало пакистанскому правительству и какие излишки этого снаряжения правительство может предоставить населению. Фактически один из вопросов, на которые пакистанское правительство обратило внимание Совета Безопасности, это вопрос о том, что правительство Индии не передало пакистанскому правительству следующую ему долю военных запасов. Пакистан не получил значительной доли причитающегося ему вооружения и поэтому никак не мог бы снабжать оружием кого бы то ни было.

Затем говорится, что люди, которые раньше не имели шинелей и не были в военной форме, теперь имеют и то и другое и много других вещей. Это использовано как еще одно доказательство, что пакистанское правительство снабжает население этими предметами. Я смогу доказать, что люди, находящиеся на территории самого Кашмира, — от шестидесяти до семидесяти тысяч в одном Пунче, — воевавшие в войсках Объединенных Наций, после демобилизации получили разрешение оставить обмундирование или принадлежащие им отличительные знаки. Больше объяснений не требуется. После такой войны, какой была последняя, обмундирование такого рода, одежда и всевозможные виды военного снабжения, оружие и амуниция свободно обращаются в некоторых странах мира и ими часто незаконно торгуют. Мы можем претендовать, что мы неповинны в этом, но нам известно, что это случается в различных странах мира. Эти предметы нетрудно получить. Большие количества такого рода обмундирования и оборудования законным образом проданы соответствующим департаментом самого правительства Индии. Кто угодно может купить оборудование такого рода, включая и стальные шлемы. Честному человеку гораздо труднее купить теперь приличное пальто, чем получить гораздо более теплую военную шинель, гораздо лучшего качества. То же можно сказать обо всем остальном.

Прежде всего эти люди могли приобрести большое количество таких вещей законным образом, так как многие служили в армии и после демо-

биллизации им разрешили у себя оставить эти вещи. Они также могли получить их незаконно. Они утверждают, что много вещей было получено от солдат, дезертировавших или бежавших, когда население восстало против войск. Население могло получить от них военное обмундирование тайком или нелегально, но утверждать, что население снабжается пакистанским правительством, притом, что индийскому правительству известно, что оно не дало Пакистану принадлежащую ему долю военного материала — значит еще увеличить значение оскорбления.

Затем говорится, что на пакистанской границе организованы лагеря для обучения употреблению огнестрельного оружия и для обучения элементарной тактике, как вам это нравится? — для обучения этих независимых воинственных горцев элементам ведения войны. Я хочу снова обратить внимание представителя Индии на обстоятельство, в котором он может убедиться, спросив любого служившего на границе британского офицера, а именно, что эти воинственные племена совершенно не нуждаются в подготовке к употреблению ручного огнестрельного оружия и в обучении военной тактике. Если бы это было не так, то в Индии не возникала бы одна из самых крупных встречавшихся на пути британской администрации проблем. Эти племена никогда не нуждались в обучении употреблению оружия. Они сами делают оружие и играют с ним с раннего детства.

Нет надобности спрашивать кого-либо об этом. Пусть кто хочет проедет по дороге из Пешавара в Кохат по территории, принадлежащей горным племенам. Дорога принадлежала британцам, но теперь принадлежит Северо-западной пограничной провинции. По обеим сторонам дороги живут независимые племена. Я дважды проезжал по этой дороге и меня заинтересовал вид ободранного человека, который с ружьем через плечо стерег двух пасущихся ослов. Я также видел двух деревенских музыкантов, следовавших из одной деревни в другую, возможно, для того чтобы присутствовать на свадьбе и заработать немного денег; у каждого из них было переброшено через плечо ружье. В этом районе никто не смеет передвигаться, не имея при себе ружья. И вдруг говорят о том, что жителей этого края надо обучать обращению с оружием.

В индийском заявлении затем говорится, что методы, которыми пользуются эти люди, указывают на то, что ими руководят профессиональные солдаты. Разумеется, в Пунче, как я сказал, имеется около семидесяти тысяч профессиональных солдат, участвовавших в последней войне. Какой же требуется еще опыт солдату, участвовавшему в войне? Они там живут и являются гражданами Кашмира; они подданные магараджи. Все это люди, которых он пытался угнетать и избивать, пользуясь войсками государства, которые бежали, оставив свое вооружение при первом соприкосновении с восставшим населением. Какие профессиональные солдаты еще нужны для того, чтобы предводительствовать этим народом? Они на месте; они кашмирцы; они граждане Кашмира и находятся внутри страны.

Затем говорится, что премьер-министр Пакистана заявил, что возможно, — а премьер-министр Пакистана, в противоположность правительству Индии, не отрицает всего и не говорит, что ничего не могло произойти, — что солдаты из Пунча, находясь в отпуску дома и обнаружив, что их родных и родственников избивают, приняли участие в этих восстаниях. Правительство Индии в ужасе воздело руки к небу и заявило, что немыслимо, чтобы армия, давшая отпуск своим офицерам и солдатам, не принимала против них дисциплинарных мер за то, что во время отпуска они участвовали в борьбе против соседней и дружественной страны. Самый первый протест Пакистана по поводу резни в Кашмире, на который я вчера обратил внимание, основывался на этом.

Мы заявили следующее: «Нас особенно беспокоит то, что большое число офицеров и солдат нашей армии набираются из этих районов и становятся беспокойным элементом. Будьте добры обратить на это внимание и позаботиться о том, чтобы этого не происходило, потому что в противном случае мы попадем в весьма неприятное положение». Если, уезжая в отпуск, эти офицеры и солдаты находят, что их соотечественников избивают или преследуют, и если некоторые из них приняли участие в том, что происходило на их родине, то все же нельзя допустить, чтобы они уезжали в отпуск для того, чтобы принимать участие в борьбе. К тому же, если мы не будем знать, кто из них фактически участвовал в столкновениях, то что же мы можем предпринять против них? Вот каково положение, и независимо от технического аспекта этого вопроса, как при этих обстоятельствах следует поступить? Как я сказал вчера, помимо технических и юридических факторов дело в данном случае идет о гуманности.

Мы знаем, что произошло в княжествах Восточного Пенджаба — каждый мусульманин был уничтожен или изгнан. Мы знаем, что случилось в самом Восточном Пенджабе, на территории доминиона Индии — пять миллионов мусульман было изгнано за границу и около одного миллиона было убито, так что из числа семи миллионов мусульман осталось в этом районе лишь несколько тысяч человек. Затем нечто похожее начинается в Кашмире. Чем отличаются события в Кашмире от того, что произошло в Капуртале, в индийском княжестве с немусульманским правителем, в котором большинство населения, состоящее из мусульман, было целиком уничтожено или изгнано? Когда создается такое положение вещей, как же можно ожидать, чтобы люди, находящиеся по другую сторону границы, правда, служащие в армии, прибывая в отпуск домой, смотрели на эти события вполне беспристрастно и равнодушно. Ожидают от них, чтобы они заявили — «быть может мой брат убит, мой отец убит, моя жена быть может была изнасилована и мои дети изрезаны в куски, но я принадлежу к пакистанским войскам и потому не могу за это мстить». Можно ожидать нечто подобное от ангелов, но не от человеческих существ. Я считаю, что только презренный трус не вмешался бы в происходящее при таких обстоятельствах.

Затем в индийском заявлении выдвигается обвинение в том, что в пакистанских газетах ве-

дется пропаганда против Кашмира и против индийского доминиона. Во-первых, печать свободна, а во-вторых, не делается никакой тайны из того факта, что симпатии мусульман в этой борьбе будут на одной стороне. В-третьих, если правительство виновато в том, что говорит печать той или иной страны, то как же тогда относиться к выдержкам из печати, которые я привел вчера? Что же сказать тогда о том, что индусская национальная организация «Махасабха» заявляет, что самый факт, что человек говорит «я мусульманин», должен считаться преступлением в индийском доминионе? Согласен ли представитель Индии от имени своего правительства взять на себя ответственность за такое заявление? Справедливо ли обвинять правительство Индии за то, что кто-то опубликовал подобное заявление? Как же можно тогда возлагать на правительство Пакистана ответственность за то, что появляется в печати?

При таких обстоятельствах и при наличии всех ужасов — а я вчера упомянул только о немногих — правда, что некоторые из министров провинции позволили себе выражения, от которых лучше было бы воздержаться. Тем не менее, надо надеяться, что даже став министрами люди не перестают быть человеческими существами. Как я уже сказал, ожидать, что мусульманин, даже будучи министром, останется равнодушным к тому, что происходит, не выразит даже своих симпатий и своих пожеланий, равносильно тому, чтобы ожидать от него сверхчеловеческого или менее чем человеческого поведения.

Не касаясь вопросов конституционных и правовых или обязательств государств, любой человек, который не ощущает или не выражает сочувствия к жертвам того, что происходит, как я описал вчера, — независимо от того, являются ли эти жертвы мусульманами или нет, — и который самым решительным образом не осуждает все продолжающуюся агрессию, независимо от того, кто является агрессором — мусульмане или нет, — чужд гуманности и не достоин называться человеком.

В своем заявлении представитель Индии жалуется на то, что Пакистан не сделал никакой попытки остановить независимые племена от вторжения. Совет Безопасности уже знает, что 22 октября 1947 было в этом отношении критическим днем. В этот день пакистанским правительством в Карачи была получена следующая телеграмма правительства Северо-западной пограничной провинции:

«Большое число мусульманских беженцев, прибывшее в округ Хазара, рассказывает об ужасных жестокостях кашмирских войск. По всей границе приняты меры к тому, чтобы остановить горцев и местных жителей от проникновения в Кашмир. Арестовано около ста лиц, пытавшихся перейти границу. На главные группы населения наложено обязательство поддерживать мир и препятствовать своим членам искать возмездия. Приток беженцев создал весьма напряженное настроение. В некоторой мере возможно совершение набегов в целях мести, так как во многих местах граница находится вдали от обычных путей сообщения и не поддается контролю. Адресовано пограничной провинции Пакистана, пе-

реслано министерству иностранных дел в Карачи».

Разумеется, нужно знать местность, для того чтобы понять, что через эти сотни миль пограничной полосы ведут только две или три дороги, по которым возможно движение, но горы могут пройти, когда захотят, через горы, недоступные ни для какого движения на колесах и доступные только людям, карабкающимся как козы, и могут спуститься в находящиеся по соседству районы Северо-западной пограничной провинции или Кашмирского княжества.

Алекс Кампбел, репортер газеты Daily Mail в сообщении, напечатанном в этой газете 17 ноября 1947 года, писал:

«Горцы, прибывшие вчера в Аботтабад в числе пяти тысяч человек, не были допущены в Кашмир пакистанскими властями. Мы перешли Джелом, естественную границу между Пакистаном и Кашмиром, через висячий мост и попали в Пунч, который был в свое время суверенным государством, а теперь лишь кашмирский округ. Жители Пунча, девяносто пять процентов мусульмане, хвастаются тем, что, насчитывая 500 000 душ, они дали больше солдат и получили больше медалей, чем какая-либо другая часть Индии. Восемьдесят тысяч человек из числа этого населения служили заграничной в индийской армии. В Паттане старый майор, заставивший меня — к этому я вернусь позднее, когда закончу свой доклад — снять сапоги и растереть уставшие от верховой езды ноги, сказал: «За все время двух войн мы верно служили вам. Никогда не было случая, чтобы солдат из Пунча нарушил свою присягу королю-императору. В благодарность за это вы покидаете нас теперь, когда мы не можем больше вам служить. Не только это, но Маунтбаттен посылает свои авиопланы и своих солдат, для того чтобы уничтожить нас, когда мы восстали против гонителей, рабами которых нам надоело быть». Где бы я ни был в течение пяти дней, проведенных мною с войсками у Котли и Пунча, где шли кровавые бои, я везде и всегда слышал то же самое. Никогда не упоминается индийская армия; всегда они ведут борьбу против самолетов Маунтбаттена, его солдат или артиллерии. Бесполезно говорить им, что то, что делает Маунтбаттен не обязательно дело британцев. Для них Маунтбаттен англичанин, родственник короля, за которого они самоотверженно боролись. Он согласился на присоединение Кашмира против воли народа и послал свои войска для того, чтобы подчинить этот народ своей воле, а это может делаться только по приказанию короля».

Представитель Индии заявил затем, что премьер-министр Кашмира категорически опровергает возведенное против него обвинение. Что же он отрицает? Во-первых то, что мы предложили послать и фактически послали представителя министерства иностранных дел для обсуждения с ним положения: для рассмотрения жалоб на прекращение снабжения, наших жалоб на постоянные набеги. Он отказался обсудить этот вопрос с нашим представителем. Отрицает ли он это? Мне было сказано, хотя я и не имею возможности подтвердить этого, что премьер-министр это отрицает. Он отрицает лишь то, что он отказался

встретиться с нашим представителем; но он не отрицает того, что он отказался обсуждать с ним эти вопросы.

Теперешний премьер-министр Кашмира мой старый друг. Мы оба принадлежали к коллегии адвокатов в Лахоре. Затем он стал судьей Верховного суда в Лахоре. Я знаю его очень давно как весьма ловкого адвоката. Он отрицает, что он отказался встретиться с нашим представителем. Он не отрицает, что он отказался обсуждать с ним эти вопросы. Мы утверждаем, что он, быть может, фактически принял нашего представителя, но сказал ему, что он не может обсуждать с ним этих вопросов.

Что же он отрицает? Мы опять-таки утверждаем, что он потребовал беспристрастного расследования. Он сказал нам, что если мы не обратим внимания на это требование, то он попросит помощи извне. Мы согласились на беспристрастное расследование. Он не приступил к проведению такого.

Что же он отрицает? Отрицает ли он, что он потребовал беспристрастного расследования? Отрицает ли он, что мы согласились на это требование? Отрицает ли он, что он отказался провести это расследование? Что же именно он отрицает?

Наше третье утверждение заключается в том, что, как только эти две попытки окончились ничем, мы пригласили премьер-министра прибыть в Карачи для обсуждения положения в целях дружественного разрешения вопроса. Он не явился. Что же он отрицает? Отрицает ли он, что мы попросили его прибыть, или же он утверждает, что он прибыл? Какие же из приведенных нами фактов он так категорически отрицает?

Затем нас убеждают в том, что «мы заинтересованы исключительно в том, чтобы восстановить в Кашмире мир». Да, но какого рода мир? Что касается мусульман, то вы несомненно заинтересованы в том, чтобы восстановить такой же мир, какой вы восстановили в Восточном Пенджабе. Вашей целью является несомненно восстановить мир, который вы восстановили в Дели. Вы несомненно стремитесь к тому, чтобы восстановить в этом индийском государстве мир, царящий во всех других индийских государствах, в Восточном Пенджабе и в соседних районах, которые присоединены к вашему доминиону.

Однако для мусульман это не мир, а смерть, это мир, несущий уничтожение; это мир, несущий изгнание. Удивляетесь ли вы тому, что ваше определение понятия мира неприемлемо для мусульман? Я не заинтересован в такого рода мире, который вы намереваетесь восстановить.

Затем огромное внимание уделяется тому, что магараджа становится теперь конституционным монархом. Мы увидим, чем он станет; мы знаем, чем он был. Было бы логично и разумно судить о положении на основании того, что нам известно, а не на основании того, что может случиться.

Затем в индийском заявлении говорится, что Индия желает восстановить мир. В этом мы с ней солидарны. Мы хотим, чтобы мир был восстановлен; мы неоднократно говорили, что вооруженная борьба должна быть немедленно прекращена и что к этому должны быть приняты меры.

Однако наше толкование понятия мира, порядка и закона расходится с вашим.

Затем в последней части заявления — и когда представитель Индии прочел это, я подумал, что быть может в этой части нам предлагается встретиться, чтобы обсудить вопрос о восстановлении мира — говорится: «Вот почему я спрашиваю вас, моих друзей в Пакистане, согласившихся передать этот вопрос Совету Безопасности: Неужели мы настолько потеряли веру в необходимость восстановления мира, в человеческое достоинство и в человеческую порядочность, что даже в этот момент не можем договориться о том, чтобы вы поступили так, как вам повелевает долг, и чтобы мы сотрудничали с вами, если вы этого захотите?»

Это аналогично ответу, который премьер-министр Индии дал премьер-министру Пакистана, пригласив его однажды встретиться и вместе обсудить положение. Он сказал «да, необходимо обсудить спорные вопросы — т. е. вопрос о том, как остановить набеги горных племен в Кашмир и как провести плебисцит. Вы хотите, чтобы я обсудил эти вопросы, но их можно обсудить только, когда вы остановите набеги горцев в Кашмир, освободите Кашмир от горцев и признаете главой правительства шейха Махоммада Абдуллу; т. е. когда вы признаете главой человека, который говорит «мы должны присоединиться к Индии». Тогда мы обсудим как надлежит организовать плебисцит».

Затем в конце мы видим следующее воззвание: неужели мы настолько потеряли доверие друг к другу, что не можем встретиться и убедить вас поступить по нашему желанию? Если при этом вы испытаете некоторые затруднения, мы готовы помочь вам.

В последнем пункте говорится о роли г-на Ганди. Мы все хотим, чтобы Ганди, которого так почитают как в Индии, так и в Пакистане и во всем мире, не испытал ни одной минуты страданий, не подвергал свое здоровье или жизнь постоянному или временному риску. Это наше общее желание. Но разумеется, если г-н Ганди решил постом добиваться согласия и гармонии, то это решение нельзя использовать как средство давления на Пакистан и заставить его поступать наперекор своей совести.

Я уверен, что г-н Ганди первый сказал бы, что никого не следует ставить в такое положение. С момента когда он начал пост, стало известно, что правительство Индии решило не лишать более Пакистана его доли наличных денег, которых его несправедливо и незаконно лишили. Это мои слова, а не их. Мы рады, что по крайней мере эта причина расхождения между доминионами будет вероятно устранена, и приветствуем такой жест.

Правительство Индии, повидимому, также провозгласило, как известно из газет, что оно готово провести плебисцит в Джунагаде. Я не знаю, что это значит. Джунагад это княжество, присоединившееся к Пакистану; это государство, территория которого была насильственным образом и незаконно оккупирована индийскими войсками. Единственно, что индусы могут сделать в отношении Джунагада, это уйти из него и восстано-

вить в правах законного правителя страны. После этого правительство Индии может требовать, если оно того пожелает, чтобы в Джунагаде состоялся плебисцит для выяснения свободно и безпрепятственно выраженной воли народа Джунагада по вопросу о присоединении. Если оно так поступит, то встретит поддержку Пакистана.

Я хочу обсудить еще один вопрос, хотя это нарушает принятый мною порядок изложения, так как я не затрагивал его раньше, для того чтобы обратить на него специальное внимание. Приводились слова британского офицера, сказавшего, что он наблюдал известную концентрацию пакистанских войск и военного персонала вдоль дорог, за пределами Джамму; а именно вне Джамму на дороге, ведущей в Сялкот. Расстояние между Джамму и Сялкот только 28 миль, и граница между ними находится приблизительно на полпути.

Сялкот это один из больших пунктов расквартирования войск в Пакистане. Неудивительно, что в Сялкоте могли находиться пакистанские войска. Было бы очень странно, если бы их там не было, потому что это одно из мест, где обычно сосредоточены войска.

Что касается всей истории, что Пакистан принимает участие или что его военный персонал принимает участие в этом деле, я хочу обратить внимание на несколько коммюнике, выпущенных генералом сэром Франком Мессервеем, главным командующим пакистанскими войсками, британским офицером, который пользуется общим уважением. 30 октября он выпустил следующее коммюнике:

«Ходят слухи, что пакистанские войска действуют в пределах Кашмира. Эти слухи совершенно неверны. Никаких пакистанских войск в Кашмире не было».

Следующее коммюнике 12 ноября говорит, что утверждение правительства Индии о том, что офицеры, находящиеся на службе в армии, руководят военными операциями, которые ведутся в Кашмире против войск правительства, абсолютно неверно.

15 ноября появилось следующее сообщение: «Пандит Неру заявил в публичном выступлении в Дели 6 ноября, что вторгшиеся в Кашмир войска имеют современное вооружение и находятся под командой офицеров пакистанской армии. Главкомандующий пакистанской армией категорически заявляет, что никакого оружия горцам армия не выдавала и ни один из служащих в армии офицеров не играл какой-либо роли в организации или в руководстве операциями, производящимися горцами в Кашмире».

Сообщение от 3 января гласит: «Внимание командного состава армии было обращено на опубликованное в некоторых ежедневных газетах донесение о том, что два батальона пакистанской армии якобы дезертировали и воюют в Кашмире. Это донесение совершенно необосновано и является клеветой».

«Никакие части пакистанской армии не дезертировали», говорится в коммюнике, выпущенном штаб-квартирой армии. «В индийской печати уже довольно давно, и несмотря на категорические возражения штаб-квартиры пакистанской

армии, стали появляться многочисленные донесения, в которых инсинуируется, что пакистанская армия замешана в ведущихся в Кашмире военных действиях. Хорошо известно, что в индийской армии были демобилизованы тысячи солдат и что большое число этих солдат родом из районов Джамму и Кашмира. При демобилизации этим солдатам было оставлено обмундирование с отличительными знаками их полка. Если такие лица встречались, были захвачены или убиты, то их нельзя называть пакистанскими солдатами. Единственные пакистанские солдаты, которым разрешается ехать в Кашмир, это солдаты армии, отправляющиеся в обычный годовой отпуск. Этим состоящим на действительной службе солдатам не разрешается брать с собой оружие».

Все это верно в отношении пакистанской армии.

Единственный вопрос, на который обращается внимание в заявлении Индии, заключается в том, что горцы, захватившие Барамулу, совершили там жестокости, подвергнув им в частности и обитателей местного монастыря. Мне так же как и моему правительству неизвестно, что фактически произошло в Кашмирском княжестве помимо того, что говорилось в донесениях или сообщениях, направленных непосредственно моему правительству. Но в связи с этим говорилось, что некоторые из совершенных зверств, которые приписываются теперь горным племенам, — а мы не знаем, верно это или нет, — совершались бандами сикхов, оперировавшими также и в этом районе. Я не могу сказать, так это или нет.

Однако вот относящееся к вопросу интересное сообщение. Это письмо от 1 января 1948 года, адресованное Марией Филиппой, настоятельницей всех монахинь госпиталя Святого Иосифа в Барамуле в Кашмире, — Бегум Шахнаваз и ее дочери г-же М. Шахнаваз. У меня подлинник этого письма. Настоятельница пишет:

«Мы пользуемся праздником, для того чтобы послать Вам самый сердечный привет от всех нас и сказать, что мы молимся о Вас и желаем Вам всего лучшего и счастья в новом году и призываем благословение на все Ваши деяния. Мы никогда не забудем как Вы, две храбрые женщины пакистанского добровольного отряда, рисковали своей жизнью, для того чтобы спасти нас из Барамулы, когда этот город подвергся бомбардировке и пулеметному обстрелу с воздуха и когда стало опасно и немислимо оставаться там».

Очевидно, что бомбардировка и пулеметный обстрел производились индийской армией. До сих пор не установлено, что горные племена имеют в своем распоряжении самолеты.

Далее в письме настоятельницы говорится: «уверяем Вас, что мы никогда Вас не забудем, и надеемся, что нам удастся опять навесить Вас. Мы сейчас шьем платья для себя и работаем в лагерях для беженцев».

Письмо послано в Равальпинди; в нем далее говорится:

«Мы надеемся скоро вернуться в Барамулу. Если нет, то я полагаю, что мы все присоединимся к войскам *Азад* Кашмира. Пожалуйста,

примите, в знак нашей признательности и в знак того, что мы помним вас обеих, прилагаемый маленький подарок. Любящая Вас Мария Филиппа».

В письме, которое магараджа послал лорду Маунтбаттену, предлагая присоединение — это письмо вероятно было составлено г-ном В. П. Менонем, членом государственного департамента индийского правительства, который был тогда в Кашмире, очевидно советуя магарадже принять определенные меры в отношении присоединения — говорится следующее: «Люди моей страны как мусульмане, так и немусульмане в общем не принимали никакого участия во всех этих беспорядках».

Очевидно в этом случае пытаются доказать, что все беспорядки причиняются горцами, т. е. людьми, вторгшимися извне в государство и нарушившими мир этой прекрасной и счастливой долины. Это совершенно неверная картина всего положения. Правильная картина заключается в том, что магараджа в собственных интересах бросил свои войска на население некоторых районов, в частности на Пунч; позволил бандам сикхов и добровольцам *Rashtriya Sewak Sangh* создать хаос в некоторых частях провинции Джамму, входящей в его государство, и страна возстала именно против варварства этих людей.

Признается, что вся область Гильгит, в некоторых отношениях представляющая самую важную часть Кашмира, в силу того, что она граничит на северо-западе с Союзом Советских Социалистических Республик — сбросила власть магараджи. Никто не утверждает, что в Гильгите появились горцы. Кто же тогда виноват в том, что произошло в Гильгите? Ясно, что его население, подданные магараджи, на сто процентов мусульмане, но все же его подданные. Однако магараджа делает вид, что никто из его граждан не принимал участия в этих событиях и что только вторгшиеся извне люди вызвали эти беспорядки.

Подумайте о беспорядках в самом Кашмире. Все мусульмане провинции Джамму, все мусульмане в Пунче и те мусульмане в самой долине, которые еще имеют какое-то право голоса — потому что, как я сказал, их лидеры находятся в тюрьме, а остальные преследуются — поддерживают это движение.

Если отрицать эти факты, то почему же шейх Мохаммад Абдулла не делает попыток убедить магараджу, если он сам не имеет власти, — насколько я понимаю, он теперь фактически занимает пост премьер-министра, — освободить своих коллег или своих противников — определение зависит от него самого — по мусульманской конференции? Зачем их держать в тюрьме, если не для того, чтобы всеми имеющимися у магараджи и его советников средствами задуть движение за присоединение к Пакистану?

Вот заявление нейтрального наблюдателя, сделанное 12 января в Дели Робертом Трамбеллем, специальным корреспондентом газеты *New York Times*: «Индийское правительство беспрестанно говорит о войсках Азад Кашмира как о налетчиках, подразумевая, что они состоят главным образом из горцев-мусульман с северо-западной границы Пакистана и уроженцев Пакистана. На

самом же деле, согласно надежным сведениям, полученным от частных лиц, горцы интересуются исключительно грабежом, хотя и отличаются свойственным мусульманам фанатизмом, эти горцы составляют лишь около тридцати процентов армии *Азад*. Около пяти процентов этой армии — пакистанцы, а остальные шестьдесят пять процентов уроженцы Кашмира, восставшие против индусского правительства этого княжества».

То же самое подтверждается в статье, появившейся на одной из страниц *Times'a* от 13 января.

Даже в отношении этих пяти процентов пакистанцев следует помнить следующее. Как я объяснил членам Совета, в Западном Пенджабе имеется более пяти миллионов беженцев из Восточного Пенджаба, представляющих собой бездомных скитальцев, горящих стыдом и негодованием и испытывающих чувство унижения от того, как с ними обращаются в Восточном Пенджабе. В настоящий момент эти люди ничем не заняты. Тех из них, которые, быть может, перешли в Кашмир, чтобы принять участие там в борьбе, подобно тому как сикхи, которые явились туда для того, чтобы убивать мусульман, нельзя по совети назвать пакистанцами. Если мы будем продолжать, таким образом, руководствоваться тонкостями, международным и конституционным правом, то окажется, что эти люди — граждане Индийского доминиона. Их изгнали из их домов, но тем не менее, они граждане Индии. Если они попадают в Кашмир, то одно лишь то обстоятельство, что они вынуждены бросить свой дом и направиться в Пакистан, а из Пакистана перейти в Кашмир, не делает их пакистанскими гражданами. Вот какова картина; вот каково положение.

То, что происходит в Кашмире, является продолжением того процесса, который достиг кульминационного пункта в Восточном Пенджабе, и неотделимо от этого процесса. Мы ничего не добьемся, сказав, что подобные случаи не раз имели место также и в Западном Пенджабе. Я вчера указал на это в Совете. Очень грустно, но это так. Одинаково прискорбно, что эти события имели место в Западном Пенджабе, как и то, что они происходили в Восточном Пенджабе. Однако, если вы хотите правильно оценить все происходящее, то вы должны подходить к вопросу, не забывая его истории, и судить о человеческих отношениях именно на основании этой истории.

Вопрос заключается в следующем: как справиться с создавшимся положением? Есть только один способ. Когда кашмирский народ — под кашмирским народом я подразумеваю мусульман, проживающих в Кашмире, потому что индусы, немусульмане, в настоящий момент не подвергаются опасности преследования — убедится в том, что ему не надо опасаться, что с ним поступят как с его единоверцами в других княжествах — Калуртала, Фаридкот, Джинд, Набха, Патиала, Баратпур, Алвар и Гвалиор — и когда на него не будет оказываться никакого давления, то он будет в состоянии высказаться, желает ли он присоединиться к Индии или к Пакистану.

Если при таких условиях народу Кашмира предложат высказаться и сделать свободный выбор и он избереет Индию, то это будет означать,

что он присоединился к Индии по собственному выбору. Если он захочет присоединиться к Пакистану, то Индия должна примириться с тем, что его выбор пал на Пакистан, и ему должно быть позволено присоединиться к Пакистану. Вот единственная забота пакистанского правительства и пакистанского народа. Утверждается, что Индия проникает в Кашмир только для того, чтобы восстановить мир, законность и порядок. Само собой разумно было бы предполагать, что если это является целью вторжения индийской армии в Кашмир, то она сперва постарается освободить Кашмир от сикхских банд, занимающихся в провинции Джамму кашмирского княжества резней и грабежом в грандиозных масштабах.

Добилось ли правительство Индии чего-либо в этом направлении? Очистило ли оно кашмирское княжество от этих банд? Они являются такой же угрозой миру и благополучию народа Кашмира, как горцы, проникшие в Кашмир из независимых районов. Эти люди бесчинствуют в районах, находящихся во власти индийской армии. Добилось ли индийское правительство чего-либо в этом направлении? Нет. Единственным случаем стремления к миру, которое пакистанские граждане, проживающие в Джамму, смогли обнаружить, было то, что правительство Индии обратило внимание Совета Безопасности на соглашение о статус кво и на функционирование внутри Кашмира почтового ведомства. По вступлении индийских войск в Кашмир, большинство служащих почтового ведомства пакистанского правительства, которые выполняли свои законные обязанности в княжестве Кашмир, было убито.

Правительство Пакистана предъявило протест. Единственный полученный на этот протест ответ не отличался ничем от других. Даже факты, содержащиеся в этом ответе, были неверны, но ответ все же был получен. В этом протесте от 26 ноября говорится: «От представителя министерства иностранных дел в Лахоре; министерству иностранных дел в Дели; копия Пакистану через министерство иностранных дел в Карачи: премьер-министр Пакистана пишет премьер-министру Индии, что пакистанским почтово-телеграфным департаментом были заключены почтовые соглашения на основании соглашения о статус кво. Получены известия о том, что перебит весь персонал почтового ведомства в Джамму и также некоторые другие чиновники и их семьи. Вы несомненно признаете, пишет премьер-министр Пакистана, что это в высшей степени прискорбно. Чрезвычайно важно, чтобы ваше правительство приняло соответствующие меры для защиты нашего персонала, работающего в управляемых вами районах государства. Прошу вас сообщить мне о принятых мерах».

Вот ответ от министерства иностранных дел в Дели, от премьер-министра Индии премьер-министру Пакистана: «Ваша телеграмма от 26 ноября относительно персонала почтового ведомства в Джамму. Полученное вами донесение о том, что чиновники-мусульмане, работающие в военном округе Джамму, и другие пакистанские чиновники и их семьи убиты, не подтверждается. Эти люди в безопасности, и кашмирское правительство предприняло соответствующие меры

предосторожности». Вот один пример их многочисленных опровержений.

А вот донесение, полученное позднее по поводу того, что случилось: «Начальник почт южного округа вновь извещает, что согласно полученным им сведениям нижеперечисленные чиновники убиты или серьезно ранены, а их семьи вырезаны войсками Догра или членами партии *Севак Санг*. Во-первых, Мохаммед Шериф, Б. А., инспектор из Джамму Тави, убит вместе со своей семьей. Во-вторых, г-н Миай Хан, чиновник из Сялкот, начальник обслуживания, серьезно ранен, а члены его семьи убиты. От эвакуированных с территории княжества получена телеграмма, копия которой препровождается. В этой телеграмме просят, чтобы этот вопрос был рассмотрен пакистанским правительством и Индийским доминионом. В-третьих, г-н Изматулла, помощник начальника почты из Удхампура; почтовая контора и квартира г-на Изматулла разграблены, а он сам убит. Г-н Джаматулла, помощник начальника почтового отделения, г-н Хашмат Али, чиновник, и г-н Гхулам Мохд, чиновник, и их семьи убиты в помещении почтовой конторы. Седьмой случай — г-н Мод Асгар, помощник начальника почты в Риаси, и члены его семьи убиты и почтовая контора сожжена. Восьмой случай — г-н Назир Ахмад Сабир, помощник начальника почты в Ранагаре; г-н Назир Хуссаин, помощник начальника почты в Батоте; г-н Гхулам Ахмад, помощник начальника почты в Бадорваке; г-н Абдул Гани, помощник начальника почты в Киптваре, — все эти должностные лица и их семьи исчезли и о них ничего определенного неизвестно».

Однако имеется заверение индийского правительства, что ничего не произошло; что эти люди в полной безопасности; что приняты соответствующие меры предосторожности. Вот какого рода мир эти войска принесли с собой в Кашмир и предлагают поддерживать.

Что делать? Все эти подробности о попытках, сделанных Пакистаном, показывают, какова была позиция пакистанского правительства. Каждое усилие, каждое предложение, каждая рекомендация в этом направлении исходили от нас. Эти предложения мы все еще считаем в силе. Мы хотим добиться лишь следующего: Все пришедшие в Кашмир со стороны должны покинуть его: банды сикхов, добровольцы партии *Раширия Севак Санг* и все другие, вторгшиеся в Кашмир, горцы и все, кто проник туда со стороны мусульман, все пакистанцы, мусульмане — индийские подданные и те, кто были беженцами в Пакистане, — другими словами — решительно все. Все они, включая индийские войска, должны уйти. С точки зрения безопасности населения Кашмира, то обстоятельство, что эти войска являются войсками индийского правительства, не меняет дела. Впрочем, да, разница тут есть.

Разница заключается в следующем: во многих местах Восточного Пенджаба мусульмане сумели организовать и противостоять нападениям свирепых сикхских толп и банд. Но они не смогли оказывать сопротивления полиции и армии Индийского доминиона, поэтому им пришлось оставить свои деревни и уйти. Мы боимся, — и мы уверены, что этот страх обоснован, —

что под эгидой индийской армии в Кашмире произойдет то, что имело место во многих других местах, включая Дели. Нет причин полагать, что в этой отдаленной долине ничего не произойдет, если события такого рода имели место на глазах у самого правительства Дели.

Поэтому надо приложить все усилия для того, чтобы добиться следующего: Кашмир должен быть очищен путем ли установления совместного управления двух генерал-губернаторов или путем оккупации преимущественно мусульманских районов мусульманскими войсками из Пакистана, а немусульманских районов в Кашмире — индийскими войсками; или путем совместной оккупации в каждом месте при содействии войск Коммонвелта, т. е. иностранных войск; или с помощью Организации Объединенных Наций. Военные действия должны прекратиться. Кашмир должен быть очищен от всех вышеупомянутых элементов. Должна быть восстановлена нормальная администрация. Не должно быть никакого давления ни со стороны Мусульманской конференции, если она будет у власти и будет управлять страной, ни со стороны Национальной конференции, если она будет у власти и будет держать бразды правления. На население не должно оказываться никакого давления. Народу надо предложить сделать выбор, чего он хочет, и то, что он решит, должно быть осуществлено.

Я сознаю, что я потратил много времени Совета, быть может даже слишком много времени, в связи с этим вопросом, но члены его теперь понимают, и я не сомневаюсь, что они уже поняли, что это серьезный вопрос, касающийся жизни миллионов человеческих существ, не говоря уже о прочих возможных его последствиях. Ответственность, лежащая на Совете Безопасности, на доминионе Индии и на доминионе Пакистана весьма серьезна. Если я отнял столько времени у Совета Безопасности в течение утреннего и дневного заседания, пытаюсь представить членам Совета мою точку зрения на положение, я уверен, что мне простят, если я заставил их скучать или если им казалось, что я слишком подробно останавливаюсь на деталях, которые им не кажутся важными. Я заверяю членов Совета, что я поступил так лишь для того, чтобы помочь им уяснить все стороны создавшегося положения.

С этого момента Совет Безопасности переходит на систему последовательных переводов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-французски): Прежде чем назначить следующее заседание и открыть общие прения, я хочу представить Совету Безопасности следующие соображения:

Выслушав заявления представителей Индии и Пакистана, я хочу сделать два замечания. Вот первое из них:

Заявления представителей заинтересованных сторон показали нам, что положение требует спешного решения и сколь опасным оно может стать, если произойдут новые инциденты. Вот, что я констатировал на первом заседании, посвященном этому вопросу. Вот почему я, в качестве председателя Совета, послал двум правительствам, до обсуждения вопроса, отнюдь не предпринимая заключения Совета, телеграмму [до-

кумент S/636], которую я прочел для сведения моих коллег [226-е заседание].

Мое второе замечание относится к затруднениям, связанным с положением, выяснившимся после того как мы выслушали все заявления. Положение действительно настолько сложно, что как бы скоро Совет не рассмотрел этот вопрос, пройдет некоторое время, прежде чем будут вынесены решения и приняты диктуемые Уставом меры.

По-моему, при создавшихся условиях чрезвычайно желательно, чтобы Совет Безопасности сегодня же, прежде чем приступить к выработке того или иного решения по существу вопроса, обратился к двум правительствам, пользуясь всем своим авторитетом, для того чтобы убедить каждое из них незамедлительно принять все доступные им меры, включая публичное обращение к своим народам, рассчитанные на улучшение положения, и воздержаться от каких-либо заявлений и действий, могущих ухудшить положение.

Я полагаю, что мы должны бы также просить оба правительства сообщать Совету о тех существенных изменениях в положении, которые произошли или, по мнению одной из сторон, должны произойти в то время, когда вопрос будет разбираться в Совете, и консультироваться с Советом по всем таким вопросам. Повидимому, несомненно, что даже в первоначальной стадии, когда целью Совета является выяснить, может ли положение, о котором он осведомлен, угрожать поддержанию мира и международной безопасности, Совет имеет полное право получать от заинтересованных сторон, в данном случае являющихся членами Организации Объединенных Наций, все сведения, могущие облегчить расследование.

Вот цель проекта резолюции, которую я имею честь представить на рассмотрение Совета и которую я сейчас зачитаю:

«Совет Безопасности, заслушав заявления представителей Индии и Пакистана о положении в Кашмире; признавая срочность создавшегося положения;

принимая к сведению телеграмму, отправленную 6 января Председателем Совета Безопасности каждой из заинтересованных сторон, а равно и полученные ответы,

призывает как правительство Индии, так и правительство Пакистана незамедлительно принять все доступные им меры (включая публичное обращение к своим народам), рассчитанные на улучшение положения, и воздержаться от каких-либо заявлений и действий, могущих ухудшить положение, не вызывая таких действий, и не допускать в этом отношении попустительства;

предлагает, кроме того, каждому из этих правительств немедленно сообщать Совету о тех существенных изменениях в положении, которые произошли или которые, по мнению той или другой стороны, должны произойти в то время, когда вопрос будет разбираться в Совете, и консультироваться с Советом по всем таким вопросам».

Я буду признателен членам Совета Безопасности за любые замечания, которые они могут сделать в связи с этим проектом резолюции. Если

замечаний не имеется, я попрошу Совет проголосовать эту резолюцию.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я предложил бы отложить, вернее прекратить, заседание и возобновить дискуссию в следующий раз.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Предложение о закрытии заседания должно, разумеется, голосоваться первым. Поэтому предлагаю Совету проголосовать это предложение.

Производится голосование поднятием рук, и предложение отклоняется 9 голосами против 2.

Голосовали за: Украинская Советская Социалистическая Республика, Союз Советских Социалистических Республик.

Голосовали против: Аргентина, Бельгия, Канада, Китай, Колумбия, Сирия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Франция.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Предложение о закрытии заседания отклонено. Я снова предлагаю высказаться членам Совета Безопасности, желающим сделать замечания.

Г-н ГОНСАЛЕС-ФЕРНАНДЕС (Колумбия) (*говорит по-английски*): Моя делегация приветствует весьма своевременный поступок Председателя, пославшего телеграмму правительствам Пакистана и Индии, и с удовлетворением отмечает тон ответов, в которых оба правительства совершенно ясно заявили о своей готовности и желании следовать положениям Устава Организации Объединенных Наций и решению Совета Безопасности. Делегация Колумбии теперь с удовольствием приветствует только что внесенное Председателем предложение и будет голосовать за него. Ввиду весьма определенного и удовлетворительного изъяснения готовности следовать положениям Устава, содержащегося в ответах на телеграмму Председателя, я хочу предложить, оставляя — если мое предложение будет принято — внесение любых добавлений полностью на усмотрение Председателя, чтобы было сделано более определенное упоминание об ответах, полученных от этих двух правительств.

Генерал МАКНОТОН (Канада) (*говорит по-английски*): Я хочу заявить, что канадская делегация присоединяется к предложению, чтобы Совет Безопасности обратился к правительствам Индии и Пакистана с предложением, внесенным Председателем.

Я полагаю, что никто из выслушавших заявления представителей Индии и Пакистана не может не признать, сколь исключительно важно, чтобы ситуация не ухудшалась, особенно во время рассмотрения этого вопроса в Совете Безопасности. Так же важно, разумеется, чтобы Совету Безопасности постоянно сообщалось о любых существенных изменениях в положении и чтобы немедленно были приняты меры к проведению непрерывной консультации между Советом Безопасности и правительствами Индии и Пакистана в связи с любыми возможными изменениями.

Всем членам Совета Безопасности теперь достаточно известно, сколь серьезно создавшееся положение, и по мнению канадской делегации не-

обходимо, чтобы Совет Безопасности до выработки дальнейших рекомендаций или вынесения заключений Совета Безопасности настоял на том, чтобы обе стороны приняли все доступные им меры для улучшения положения и воздержались от действий, могущих ухудшить положение.

По этой причине канадская делегация искренне поддерживает представленную от имени Председателя резолюцию в ее настоящей редакции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Третий пункт проекта резолюции таким образом будет читаться:

«Принимая к сведению телеграмму, отправленную 6 января Председателем Совета Безопасности каждой из заинтересованных сторон, а равно и полученные ответы;».

В соответствии с предложением, внесенным представителем Колумбии, к этому пункту можно добавить следующее:

«...в которых они изъявляют свое намерение действовать в соответствии с положениями Устава».

Г-н эль-ХУРИ (Сирия) (*говорит по-английски*): Учитывая, что для вынесения окончательной резолюции по этому вопросу понадобится довольно много времени, было бы весьма полезно и целесообразно немедленно принять предложенные Председателем меры, с тем чтобы избежать передвижений или действий, могущих ухудшить положение. Это шаг к примирению, который может оказаться ценным, и поэтому я поддерживаю предложение Председателя.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Мы заслушали заявления представителей Индии и Пакистана и не успели еще как следует их изучить, а между тем они представляют большой интерес для выяснения положения, существующего в Кашмире, для выяснения существующей там обстановки.

Бельгийская резолюция была составлена, как известно, до заявлений представителей Индии и Пакистана; в ней не учтены эти заявления. Могут сказать, что целью этой резолюции является обращение к правительствам Индии и Пакистана с тем, чтобы они предприняли меры, которые не позволили бы обстановке, существующей в Кашмире, ухудшиться. Но такое обращение было уже направлено Председателем Совета Безопасности правительствам Индии и Пакистана, и были получены соответствующие ответы от этих правительств. Следовательно, с этой точки зрения, этот жест Совета Безопасности, по мнению советской делегации, мало что дает.

Нам кажется, что нужно было бы изучить этот вопрос более детально и принять резолюцию по существу вопроса, по возможности скорее, в интересах исправления и улучшения положения, существующего в Кашмире, и налаживания отношений между Индией и Пакистаном.

Если эта резолюция будет поставлена на голосование, советская делегация воздержится от голосования.

Г-н АРСЕ (Аргентина) (*говорит по-испански*): Насколько я понял, г-н Председатель, Совет Безопасности был создан, судя по Уставу,

в целях изыскания быстрого урегулирования любой ситуации, которая может угрожать международному миру и безопасности; вот причина, по которой я голосовал против предложения отложить вопрос и, откровенно говоря, если бы у нас не имелось никаких других предложений, я бы голосовал за предложение, внесенное представителем Бельгии. Однако я не хотел бы этого делать, не высказав сперва — быть может несколько наивно, так как я новый член Совета — глубоко удивление тому, что выслушав заявление индийского представителя о войне, за которым последовали аналогичные, хотя и менее определенные заявления представителя Пакистана, выслушав признание обеих сторон в том, что население ежедневно подвергается массовому истреблению повсюду как в княжестве Кашмир, так и вне его, нам говорят, что в данный момент ничего другого нельзя сделать кроме как только рекомендовать этим двум правительствам быть разумными и спокойными. Поэтому и принимая во внимание возможные дальнейшие события, я хотел бы заявить Совету и представителям Индии и Пакистана, что, хотя Устав и не дает определения понятия агрессии, в настоящий момент существует приблизительное определение этого выражения в международном договоре, обязательном для всех государств западного полушария.

В статье 9 Межамериканского договора о взаимной помощи, подписанного в Рио-де-Жанейро, говорится:

«Помимо других действий, которые Консультативный орган может характеризовать как агрессию, следующие действия считаются агрессивными:

а) ничем не вызванное вооруженное нападение государства на территорию, народ, страну или сухопутные, морские или воздушные силы другого государства;

б) вторжение вооруженных сил того или иного государства на территорию какого-либо американского государства, путем перехода границ, означенных в соответствии с договором, постановлением суда или арбитражным решением, или, если границы не обозначены таким образом, вторжение в район, находящийся под фактическим управлением другого государства».

При наличии таких условий аргентинская делегация была бы обязана считать агрессором одно из двух государств, поступивших таким образом, т. е. Индию или Пакистан, и действовать соответственно с этим. Я полагаю, что это предостережение, даже исходящее от государства, не являющегося постоянным членом Совета, должно оказать некоторое влияние на точку зрения правительств Индии и Пакистана, которые недавно были приняты в Организацию Объединенных Наций и незаслуженно называются «миролюбивыми народами».

Вот что я хотел сказать, прежде чем голосовать по проекту резолюции, внесенному бельгийской делегацией, так как в этот момент нельзя поступить более решительно, а мы, непостоянные члены Совета Безопасности, не можем многого добиться в отношении решений по существу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Больше никто не желает взять слова?...

Я ставлю на голосование предложение бельгийской делегации с поправками, о которых я только что упомянул.

Производится голосование поднятием рук, и резолюция со внесенными в нее поправками [документ S/651], принимается 9 голосами при 2 воздержавшихся.

Голосовали за: Аргентина, Бельгия, Канада, Китай, Колумбия, Сирия, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Франция.

Воздержались: Союз Советских Социалистических Республик, Украинская Советская Социалистическая Республика.

Г-н НОЭЛЬ-БЕЙКЕР (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я просил разрешения выступить, потому что подобно моему коллеге, представителю СССР, я также полагаю, что мы поскорее должны заняться сущностью стоящей перед нами проблемы. Поэтому я вношу предложение Совету Безопасности относительно плана нашей работы.

Как заявил сегодня утром Председатель, речи, произнесенные представителями двух сторон, убедили каждого члена Совета, что в Индии и Пакистане создано серьезное и критическое положение и мы поступили бы чрезвычайно легкомысленно, если бы мы не приняли во внимание полученные нами серьезные предостережения, если бы мы не приложили всех усилий, для того чтобы при первой возможности разрешить эту проблему.

Мое вмешательство по поводу распределения времени для работы Совета уже доказало с самого начала, что на меня произвела большое впечатление выяснившаяся серьезность положения, и я уверен, что Совет Безопасности не должен терять ни одного часа в деле рассмотрения этого вопроса. Каждая из ежедневно получаемых мною телеграмм и каждое сообщение печати убеждает меня в том, что вопрос этот обстоит более остро теперь, чем когда бы то ни было. Общественное мнение в Индии и Пакистане глубоко потрясено. В любой момент там могут произойти события, чреватые последствиями.

Эти два правительства — и я полагаю, что они поступили очень разумно — пояснили свои позиции перед Советом Безопасности. Их цель при этом была, разумеется, в том, чтобы достигнуть с нашей помощью возможно более быстрого урегулирования спора. Я полагаю, что чем скорее они примутся за это, тем лучше, и потому я хочу посоветовать Председателю предложить этим двум делегациям встретиться в конце недели под его председательством и попытаться найти теперь же почву для соглашения относительно того, каким образом уладить этот спор.

Разумеется, я не предлагаю, чтобы Совет Безопасности прервал свою работу, и хочу, чтобы это было ясно всем. Теперь, когда мы выслушали представителей сторон, мы должны приступить к прениям, во время которых члены Совета Безопасности смогут высказать свои точки зрения в связи с этим спором, и я верю и надеюсь на то, что их разум и опыт заставят их высказаться в пользу мира. Поэтому я предлагаю, если Председатель не решит иначе, чтобы Совет Безопасности снова собрался на заседание в понедель-

ник в 4 ч. 30 м. или в 5 час. дня и чтобы за оставшиеся до того сорок восемь часов Председатель предложил индийской и пакистанской делегациям встретиться с указанной мной целью. Я хочу знать, согласны ли представители Индии и Пакистана принять это предложение, и затем спросить Председателя и членов Совета, согласны ли они со внесенным мною предложением?

Г-н ОСТИН (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Делегация Соединенных Штатов желает поддержать предложение представителя Соединенного Королевства о том, чтобы стороны попытались разрешить свой спор путем переговоров. Мы поддерживаем предложение в целом, но рекомендовали бы отложить прения до вторника утром, чтобы таким образом дать сторонам полные два дня на обсуждение этого дела.

Если внесенный это предложение не считает мою рекомендацию разумной, я предлагаю возобновить заседание как можно позже вечером в понедельник и, во всяком случае, не ранее пяти часов дня. Даже в таком случае характер заседания будет таков, что заставит нас, вероятно, работать до позднего часа. Вот причина, по которой я считаю, что было бы разумнее, чтобы Совет Безопасности принялся за работу, которая является естественным результатом этого заседания, с утра, с тем чтобы посвятить этой работе весь день.

Поэтому я предпочел бы, если представитель Соединенного Королевства примет эту поправку к своему предложению, дать сторонам достаточно времени для подробного обсуждения вопроса под руководством нашего Председателя, а затем, когда вопрос вернется к нам, заняться опять его рассмотрением с утра. Я уверен, что днем мы можем работать более успешно, чем поздно вечером, и если мы вернемся сюда в 4 или 5 часов дня, то мы рискуем потерять больше времени, чем если бы мы приступили к рассмотрению вопроса во вторник утром. Поэтому я хочу знать, примет ли представитель Соединенного Королевства мою поправку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Только что внесенная рекомендация требует моего вмешательства. Разумеется, если такой образ действий можно считать полезным, то я сочту своим долгом отдать себя в распоряжение сторон в споре. Но прежде чем решить этот вопрос так или иначе, уместно было бы спросить, что думают об этой рекомендации сами представители сторон.

Г-н ГОПАЛАСВАМИ АЙЯНГАР (Индия) (*говорит по-английски*): Я приветствую предложение представителя Соединенного Королевства, поддержанное представителем Соединенных Штатов. Принятие этого предложения ускорило бы рассмотрение вопроса, на чем справедливо настаивает представитель СССР. Мы, со своей стороны, с самого начала подчеркивали, что нужно не только срочное, но и немедленное разрешение этого вопроса.

Положение в Индии очень серьезно и за последние два-три дня оно стало еще более серьезным из-за событий, о которых все мы читали в

газетах. В настоящий момент из-за поста, к которому приступил Махатма Ганди, вся Индия жаждет приложить все возможные усилия для того, чтобы примирить две части этой великой страны.

Правительство Индии всецело поддерживает это пожелание и делает все возможное, чтобы достичь соглашения не только с целью поддержания мира, но также с целью сохранения жизни того человека, который теперь является для всех символом мира.

Я полагаю, что Совету Безопасности следовало бы учесть это обстоятельство и дать моей делегации и делегации Пакистана возможность посоветоваться между собой с целью выработки приемлемого для обеих сторон решения.

В связи с этим я самым искренним образом благодарю Совет Безопасности за то, что он дал нам возможность воспользоваться его услугами для всестороннего рассмотрения проблемы, что может повести к удовлетворительному решению. Поэтому, мы с большой готовностью, воодушевлением и вполне считаясь с тем, что происходит в Индии в настоящий момент, приветствуем это предложение.

Есть только одно обстоятельство, о котором я хочу в связи с этим упомянуть. Если мы будем заняты делом переговоров между сторонами, для того чтобы прийти к дружественному соглашению, то мне будет трудно в случае, если заседание будет назначено на понедельник, быть готовым подробно ответить на вчерашние и сегодняшние выступления представителя Пакистана.

Он коснулся очень многих вопросов. Он привел свои доводы. Он пытался опровергнуть наши доводы, и все это требует подробного ответа. Я надеюсь, что переговоры, которые мы намерены начать теперь, позволят нам вообще не отвечать на то, что было сказано здесь вчера и сегодня. Если же, к несчастью, нам придется продолжать эти прения, то мне потребуется некоторое время на подготовку материала, чтобы быть в состоянии ответить соответствующим образом на все, что было сказано представителем Пакистана. Поэтому, если заседание откладывается лишь до понедельника после полудня, мне будет трудно выкроить время, чтобы подготовиться. Если же, как это предложил представитель Соединенных Штатов, заседание возобновиться утром во вторник, то я приложу все усилия, чтобы дать ответ во вторник, хотя даже и тогда у меня не будет достаточно времени, чтобы подготовить весь материал, который может понадобиться. После этого заключительного замечания я хочу повторить, что я вполне приветствую внесенное здесь сегодня предложение.

Сэр Мохаммед ЗАФРУЛЛА-хан (Пакистан) (*говорит по-английски*): Мы также принимаем это предложение.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): По этому вопросу нет необходимости в формальной резолюции. Целесообразность встречи обеих сторон по вопросам, которые рассматриваются Советом Безопасности, является настолько очевидной, что достаточно, мне кажется, было бы выразить пожелание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Мнение представителя Советского Союза вполне основательно. Поэтому я переговорю с представителями Индии и Пакистана и предлагаю вам назначить заседание во вторник в 10 ч. 30 м. утра. Главная цель этого заседания будет заключаться в том, чтобы позволить мне равно как и представителям Индии и Пакистана, сообщить вам результат наших переговоров.

Г-н НОЭЛЬ-БЕЙКЕР (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я полагаю, что у Совета имеются другие подлежащие обсуждению вопросы, но я вполне согласен с тем, что сказал Председатель.

16. Каблограмма председателя Комитета добрых услуг по индонезийскому вопросу от 17 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности (S/650)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Хотя час уже поздний, я прошу у вас еще две минуты терпения, так как я хочу прочесть Совету только что полученную от председателя Комитета добрых услуг телеграмму от 17 января:

«Комитет добрых услуг рад сообщить о том, что делегации Республики Индонезии и Нидерландов подпишут соглашение о перемирии на четвертом пленарном заседании, которое должно состояться в 14 ч. 30 м. 17 января на борту принадлежащего морскому ведомству Соединенных Штатов корабля *Ревильяль*. Через два часа после этого должны быть отданы два аналогич-

ных приказа о прекращении огня и обеим сторонам должны быть переданы идентичные инструкции. Непосредственно после подписания соглашения о перемирии обе стороны подпишут соглашение о двенадцати политических принципах, которые должны лечь в основу обсуждения, на которые стороны согласились с целью улажения спора. Дальнейшие шесть политических принципов будут представлены Комитетом обеим сторонам на том же заседании с просьбой, чтобы обе они дали свои ответы не позднее сорока восьми часов. Дальнейшее обсуждение политического улажения этого спора начнется немедленно. Комитет добрых услуг намерен закончить составление предварительного доклада о своей работе вскоре после подписания соглашения о перемирии. Кэрби, ван-Зееланд, Грехам и секретарь готовятся отбыть в Лейк Соксес. Они прибудут туда вероятно 31 января. Они намерены представить себя в распоряжение Совета Безопасности, в случае если вскоре начнется обсуждение описанного выше развития индонезийского вопроса.

КЭРБИ, Председатель»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): Я уверен, что члены Совета Безопасности рады получить это подтверждение о заключении соглашения, явившегося результатом вмешательства Комитета добрых услуг в индонезийский вопрос. Я полагаю, что это можно считать счастливым предзнаменованием в деле урегулирования находящегося на нашем рассмотрении спора.

Заседание закрывается в 2 ч. 05 м. дня.

ДВЕСТИ ТРИДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Вторник 20 января 1948 года, 10 ч. 30 м. утра Лейк Соксес, Нью-Йорк

Председатель: Г-н Ф. ван-ЛАНГЕНХОВЕ (Бельгия)

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики, Франции.

17. Предварительная повестка дня (документ S/Agenda 230)

1. Утверждение повестки дня.
2. Вопрос о Джамму и Кашмире:

а) Письмо представителя Индии от 1 января 1948 года на имя Председателя Совета Безопасности относительно ситуации в Джамму и Кашмире (документ S/628)¹.

б) Письмо министра иностранных дел Пакистана от 15 января 1948 года на имя Генерального Секретаря относительно ситуации в Джамму и Кашмире (документ S/646)².

¹ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, третий год, Дополнение за ноябрь 1948 года, стр. 139-144 англ. текста.

² Там же, стр. 67-87 англ. текста.

18. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

19. Обсуждение ситуации в Джамму и Кашмире (продолжение)

По приглашению Председателя представитель Индии г-н Н. Гопаласвами Айянгар и представитель Пакистана сэр Мохаммед Зафруллахан занимают места за столом Совета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-французски*): На повестке дня значится вопрос о Джамму и Кашмире.

Я хотел бы сделать краткое сообщение Совету. В соответствии с предложением, сделанным на нашем последнем заседании, и с согласия сторон я провел консультации с представителями Индии и Пакистана.

Обе стороны изъявили искреннее желание возможно скорее прийти к удовлетворительному соглашению, и в качестве первого результата приложенных в этом направлении усилий был разработан проект резолюции [документ S/645]. Я имею честь его представить Совету не только